

ФЕДОР ИВАНОВИЧ

ТЮТЧЕВ

*О, КАК УБИЙСТВЕННО
МЫ ЛЮБИМ...*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

I. Уездный город С. – один из печальнейших городков России

II. Перенесемся теперь в другой городок, в другую землю, к другому времени...

III. Кто-то сказал презабавную глупость немец до двадцати пяти лет Адам Адамович...

IV. —Давно мы с вами не видались, господин барон, – сказала аптекарша...

V. А между тем городские обыватели начали толковать да перетолковывать.

VI. Однажды франт в венгерке посетил барона, как тот только вставал с постели и распечатывал письмо...

VII. Бедная Шарлотта не могла сомкнуть глаз целую ночь...

notes

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

Федор Иванович Тютчев
О, как убийственно мы любим...

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Слышал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон,
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон, —

И отягченную главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

III. Кто-то сказал презабавную глупость немец до двадцати пяти лет Адам Адамович...

Кто-то сказал презабавную глупость немец до двадцати пяти лет Адам Адамович, от двадцати пяти лет – Иван Иванович. В этой глупости, как во многих глупостях, глубокое знание человеческого сердца. Если немец, например, кутил до двадцати пяти лет, то он запьет последнюю минуту своего двадцать четвертого года мертвейшею чашею, а на другой день начнет пить одну лишь воду до самого часа своей смерти; вчера был отчаянным шалуном, завтра будет самым степенным из степенных людей; вчера был разгульным, беззаботным буршем, сорил деньги где мог, завтра будет расчетливым немцем, извлекающим из всего выгоду; одним словом, немецкие страсти распределены по срокам, как неизбежная плата за жизненную квартиру, и каждая вносится своевременно, без задержания или избытка.

Более всего разительна эта противоположность германского характера в минуту окончания студентской жизни. У меня был один товарищ до того отчаянный, что все тело его было изрублено, шапка прострелена; платье свое он проиграл в банк, а выпивал он столько, что содержателю погребов становилось страшно, В день отъезда он напроказил до того, что волосы становились дыбом; но при последнем стакане вина он заливался горькими слезами и сказал три слова: «Прощай, золотая молодость! – *Lebe wohl, goldene Jugend!*» На другой день он был мирным пастором, учился благословлять, готовил проповеди и вспоминал о своей студентской жизни с тихой улыбкой, как будто бы прошедшие несколько часов были целыми годами.

Почти то же самое случилось с Фиренгеймом. Восторженный студент вдруг сделался расчетливым дипломатом. Он решался жить в Петербурге и рассудил, что для удовлетворения своего тщеславия и честолюбия ему открыты две дороги: служба и большой свет; причем он и не подумал обманывать себя призраками пользы, обязанности или призвания. Он убедился, что отверстое поприще выгодно, а большего и не думал искать.

Мы часто укоряем немцев за то, что на святой Руси они всегда добиваются теплого местечка и достигают именно того, к чему мы стремимся. Но не сами ли мы в том виноваты? Они упорствуют, а мы пренебрегаем; они трудятся неусыпно и без усталости, а мы готовы истратить весь свой пламень на один порыв и пролечь потом всю жизнь. Что же удивительного, коль на пути гражданской жизни они перебивают нам дорогу и занимают у нас под глазами места и должности, которые бы нам весьма по сердцу?

Барон выбрал самую выгодную службу, самый выгодный разряд: отказался от жалованья в пользу повышения, подружился с начальником отделения, полюбился директору и понравился министру. Он как будто родился в вицмундире, в стенах канцелярии, за столом столоначальника. Он был вежлив с казначеем, бухгалтером и журналистом; он дарил щедро швейцара, сторожей и курьеров; одним словом, хотя он многого и не делал, но в скором времени сумел прослыть образцовым чиновником.

В свете он следовал той же тактике; только ручевский фрак и желтые перчатки заменяли вицмундир. Он начал, как следовало, со старух: слушал их с почтительностью и явным вниманием, надевал на них мантильи и салопы, аккуратно делал им визиты, привозил

подарки в день именин, играл с ними в карты и часто проигрывал... Разумеется, подарки и проигрыши соразмерялись со степенью важности старых покровительниц; потом барон обратился к модным красавицам. Сказать правду, они не много ему нравились, но он почел обязанностью казаться с ними в дружеских отношениях, чтоб упрочить свою светскую славу. Он разваливался подле них в мягких креслах, наклонялся к ним на ухо и говорил всякий мелкий вздор вполголоса. Они непременно начинали смеяться, хотя иногда то, что говорил барон, было вовсе не смешно; но так как одна из них рассмеялась, то и всем надо было смеяться, так, как всем надо было носить короткие рукава, гладкие прически и бархатные бурнусы. Поутру начинали посылаться к молодому барону разные душистые записочки с приглашениями и концертными билетами. Наконец, он не только танцевал всегда с признанными светом модными красавицами, но его самого начали модные дамы выбирать поминутно, в танцах во время фигур, потому что он танцевал отлично и принадлежал ко двору. С того времени положение его в большом свете резко обозначилось и ему наперерыв стали завидовать провинциалы, начинающие, боязливые, бедные и уродливые, которые для оттенков картины дополняют петербургские бальные залы. С мужчинами он был учтив, но не искателен; он только соразмерял свою учтивость и поклоны с уменьшением нумера класса и с увеличением знаков отличия, так что Анне с короной он кланялся с развязной улыбкой, а Андрею Первозванному – с чувством глубокого почтения. Но это было не по низкопоклонности его характера, а в силу того внутреннего убеждения, что он исполняет обязанность и воздаст каждому должное. В несколько лет он сделался совершенным светским человеком, с жаждой к рассеянию, с ненавистью к занятиям и с холодным расчетом для своих выгод и повышения. При таких обстоятельствах его послали по казенному поручению в уездный город, описанием которого я начал свой рассказ.

Что же было в продолжение того времени с дочерью профессора?

Прекрасная моя читательница, вы, верно, по природной вашей догадливости узнали в аптекарше ту самую Шарлотту, которая так безнадежно любила моего барона. Но как перешла она от мирного отцовского крова в аптеку уездного городка, как, думая о бароне, могла она выйти за аптекаря? Как... Каким образом? Нехорошо, не правда ли?.. А позвольте у вас, сударыня, спросить: господин ваш супруг был ли единственным предметом ваших помышлений? Неужели до блаженной минуты, когда он повел вас к венцу, пред вами не мелькнули никакие заветные черты и никакое мужественное лицо не оставило в вашем сердце своего неизгладимого портрета? Вспомните хорошенько. Не хотели ли вы когда-нибудь оставаться век в девушках или, чего доброго, в монастырь идти? И что же? Поплакали об одном, улыбнулись другому. Пришла надобность в самопожертвовании – жертва совершилась, и слава богу, вы поживаете здорово и благополучно, хоть вы и разоблачили ваш надоблачный идеал в халат и туфли полузаспанного мужа. Дело в том, что мы любим укорять других, чтоб извинить себя; а быть может, то, что в нас нехорошо, в других извинительно.

Когда Шарлотта, как истая германская девушка, носилась мечтой в идеальном тумане, небольшой студентик с кудрявой рыжей головой аккуратно проходил и вздыхал два раза в день под ее окном. Фиренгейм давно уехал. О нем слышно было, что он веселится в большом свете, волочится, влюбляется, ищет невесты, а над прежней жизнью смеется весьма остро. Половина того была истинна, другая, как водится, прибавлена. Бедная Шарлотта сперва поплакала, потом посердилась, потом и сердиться перестала и вся обратилась в любовь к своему отцу. Любящие души, однажды обманутые, не уничтожают, но переносят только

избыток своего небесного огня к лицу более достойному. Дочь профессора старалась забыть себя совершенно и только и думала о том, как бы чем угодить дряхлеющему старику и усладить последние минуты его жизни; а пока небольшой студентик с кудрявой рыжей головой все ходил да ходил под ее окном с такой настойчивостью, что она наконец привыкла к его физиономии, как к чему-то неизбежному. Есть люди, смиренные свойством, которые умеют выжидать и тем одним всегда достигают своей цели.

Когда пришло время, студентик втерся в дом профессора, начал знакомство на латинском языке, выпил рюмку рейнвейна и выкурил две сигары. Старик чрезвычайно полюбил нового друга, хотя и вздохнул невольно о старом, закутившем в петербургском большом свете.

С того дня студентик начал ходить чаще и чаще, а Шарлотта, не обращая на него большого внимания, начала привыкать к его разговорам, как привыкла к его появлениям под окнами. Вскоре он переехал на квартиру Фиренгейма, но Шарлотте не говорил ни о любви, ни о надежде, ни о поэзии, опасаясь повредить своим намерениям, а неприметно стал входить в ее хозяйские распоряжения, советовал ей употреблять для приправы кушаний разные аптекарские травы, настаивал с ней настойки и покупал для нее капусту и грибы. Мало-помалу он сделался в доме необходимым человеком, а время быстрыми шагами все двигалось вперед, неся на плечах болезни, бедствия и смерть. Профессор начал ослабевать. Книги осиротели, сигары заброшены, рейнвейн забыт. Не долго он был болен и встретил кончину, как следовало мужу мудрому, прошедшему всю жизнь для благочестия и науки. Студентик ходил за ним как сын, сам готовил лекарства, сам их подавал, и перед смертью старик благословил его зятем и вручил ему свою бездыханную дочь.

Удар, постигший Шарлотту, был до того жесток и поразителен, что она равнодушно узнала о перемене своей судьбы. Жених ее не докучал ей неуместной страстью, а начал распоряжаться в доме хозяйством и готовил все для свадьбы. Таким образом Франц Иванович достиг своей цели.

Вскоре совершился и брак, грустный, холодный, как приношение жертвы над свежей могилой. Во время обряда Франц Иванович казался тронут, но не надоел жене клятвами и уверениями. Он думал об устройстве вещественного благосостояния. Он уже кончил курс, выдержал экзамен на звание фармацевта и, по долгом соображении, решил ехать nach Russland

[11]

наживать деньги. Узнав, что в городе С. не было аптеки, он положил поселиться в нем с молодой женою, надеясь на дешевизну содержания и потребность края в медикаментах. Всего достояния его вместе с скудным наследством профессора едва было достаточно на фармацевтическое обзаведение с стклянками, банками и весами в старинном доме, где некогда танцевали дворяне, а что ныне украсился вывеской с известной вам надписью: «Аптека, Apotheke».

Бедная Шарлотта! Какая жизнь! Какое разочарование! Все та же бедность, но уж без поэзии; все те же заботы, но без утешения; все то же душевное одиночество, но уж без надежды!.. И некому поверить своей грусти, не с кем поговорить о старине. Франц Иванович, по недостатку средств не имевший провизора, сам с утра до ночи катал пилули,

сушил травы и составлял микстуры. Впрочем, всегда довольный, всегда с улыбочкой, он потряхивал рыжей головкой, думая веселостью свою развеселить, может быть, и свою жену. И надо ему отдать справедливость: он не надоедал ей знаками приторной привязанности, не требовал от нее ложной нежности, а довольствовался тем, что подавал ей нехвастливый пример покорности и терпения. Она радовалась, что он ее не понимает, и бережливо таила от него свои воспоминания и свою печаль. Знакомств у них было немного, и от тех можно было бы охотно отказаться.

Городничий, обожатель полек, да толстая барыня Авдотья Петровна Кривогорская, обожательница сплетней и собачек, делали им изредка дальновидные визиты, надеясь получить подешевле или даже в подарок нужные для домашнего обихода аптекарские припасы.

Всех чаще по утрам заходил к ним от нечего делать отставной помещик в венгерке. Поздоровавшись с Францем Ивановичем, он отправлялся к аптекарше с обыкновенным приветствием:

– Бонжур, мадам. Здоровье ваше гут?

– Gut

[12]

, – отвечала, вздыхая, Шарлотта.

– А нельзя ли, мадам, трубочку? Смерть затянуться хочется. – При этом слове он красноречиво влагал первый палец в уста.

Ему приносили трубочку... и он начинал дымиться как камин, объявляя притом городские новости.

У купца Ворышева получены новые селедки; только дорого, мошенник, просит. Вчерашний день толстая купчиха Трегубова, шедши в гостиный двор, провалилась на дощатом тротуаре; насилу вытащили. Говорят, хочет подавать просьбу губернатору на городничего за то, что тротуары никогда не исправляют, отчего легко может приключиться смертельный случай. Намедни был праздник у исправника, и Терентий Иваныч, говорят, мастерски отхватывал вприсядку. У часового мастера пропала корова. В бричке поверенного по откупу лопнула рессора...

Потом он начинал любезничать.

– Когда же вы, Шарлотта Карловна, выучитесь говорить по-русски? Скажите-ка, был – «пыль...» Хи-хи!

Как вы этого не умеете, а, кажется, так просто. Пора вам выучиться; или уж я стану учиться по-немецки, а то только и знаю что гут да либ данкен.

Шарлотта грустно улыбалась, а франт, поставив трубку в угол, уходил в сладком самодовольствии. «Хоть бы в столицу, – думал он, – право, хоть бы в столицу, и там скажут, что хорошенькая, а не только в провинции».

И Шарлотта оставалась одна, целый день одна. Как долго сиживала она у своего окошка и в тихом раздумье смотрела на серые тучи, которые неслись грустной вереницей по небу, не предвещая бури, не обещая солнца, а холодные, печальные, свинцовые, как жизнь, которая ее убивала. И что за зрелище под окном? Лужи с утками, грязная зелень, бабы с тряпьем, таранас с заседателем, домики с разбитыми стеклами, заклеенными бумагой. Все, что в

гражданственной жизни есть отвратительного, все, что в человечестве есть жалкого, все, как нарочно, соединялось, чтоб отравить лучшие годы ее жизни.

И к тому же воображение ее в одиночестве разыгралось. Прежние ее мечты определились ясно; призрак любви, но любви мучительной, страстной, бурно волнующей кровь, загорелся пылающей звездой во мгле ее одиночества. Ей хотелось бы убежать на край света и отдать всю жизнь свою за одно неистовое мгновение любви и блаженства.

И к довершению злополучия она не могла ненавидеть, презирать своего мужа. Он, правда, не понимал ее, но он был добрый и честный человек и старался так усердно облегчить для нее бремя домашних хлопот и так неусыпно трудился в своих бедных оборотах, чтоб упрочить для нее в будущем времени сомнительное благосостояние.

Так прошло два года до того утра, когда барон Фиренгейм явился в аптеку за содовыми порошками.

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

Не позднее весны 1828

Могила Наполеона

Душой весны природа ожила,
И блещет все в торжественном покое:
Лазурь небес, и море голубое,
И дивная гробница, и скала!
Древа кругом покрылись новым цветом,
И тени их, средь общей тишины,
Чуть зыблются дыханием волны
На мраморе, весною разогретом...

Давно ль умолк Перун его побед,
И гул от них стоит доселе в мире.

.....
.....

И ум людей твоею тенью полн,
А тень твоя, скитаясь в крае диком,
Чужда всему, внимая шуму волн,
И тешится морских пернатых криком.

Не позднее 1828

Вот арфа ее в обычайном углу,
Гвоздики и розы стоят у окна,
Полуденный луч задремал на полу:
Условное время! Но где же она?

О, кто мне поможет шалунию сыскать,
Где, где приютилась сильфида моя?
Волшебную близость, как благодать,
Разлитую в воздухе, чувствую я.

Гвоздики недаром лукаво глядят,
Недаром, о розы, на ваших листах
Жарчее румянец, свежей аромат:
Я понял, кто скрылся, зарылся в цветах!

Не арфы ль твоей мне слышался звон?
В струнах ли мечтаешь укрыться златых?
Металл содрогнулся, тобой оживлен,
И сладостный трепет еще не затих.

Как пляшут пылинки в полдневных лучах,
Как искры живые в родимом огне!
Видал я сей пламень в знакомых очах,
Его упоенье известно и мне.

Влетел мотылек, и с цветка на другой,
Притворно-беспечный, он начал порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой!
Могу ли, воздушный, тебя не узнать?

Не позднее 1828

VII. Бедная Шарлотта не могла сомкнуть глаз целую ночь...

Бедная Шарлотта не могла сомкнуть глаз целую ночь. Что она? – бедная, необразованная, ненарядная, порою прачка, порою кухарка, аптекарша, провинциалка перед блистательными дамами в перьях и кружевах, с которыми знаком барон, – минутная забава, игрушка от скуки. Еще и за то ему спасибо, что он снизошел до нее и соблаговолил вымолвить ей несколько ласковых слов. Но все это было шуткой. Где ему любить аптекаршу: он любил даму, у которой на голове брильянты, а на руках браслеты. Она пишет к нему письма; она ожидает его с нетерпением; а как он вернется, то-то они будут смеяться над аптекой, над аптекаршей и над нежной страстью среди ревеню и хины!

Ревность, жгучая ревность начала душить Шарлотту. «Да, – шептало ей воспламененное воображение, – он любит другую... Она не так хороша, как ты: у нее нет ни свежести твоей, ни яркого твоего румянца, ни твоих густых локонов; но мужчины этого не замечают. У нее все роскошь и изобилие, у тебя все бедность и недостаток; у нее цветы в комнате, цветы на голове, везде цветы во время зимы и осени, во время целой жизни; у тебя, вокруг тебя грустные принадлежности твоего сословия, медные деньги, сальные свечи, уездная жизнь, запах аптеки, лохмотья и одиночество... Тебе ли любить знатного господина, которому, как он ни старайся, должна быть противна твоя нищенская жизнь?.. Разве ты забыла, разве ты не заметила, как при виде вашего недостатка чело его хмурится и на устах его выражается презрительная улыбка? А ты, послушная раба, ожидаешь только взгляда, взгляда сострадания, а не любви; и ты забыла свою гордость, достоинство твоего пола, чтоб сделаться посмешищем богатой женщины и предметом шалости светского человека, который всегда презирал твою бедность и постыдился быть счастливым с тобою».

На другой день аптекарша была задумчива и бледна.

Франц Иванович посматривал на нее с беспокойством, потчевал ее разными порошками и казался расстроен!

В двенадцать часов, по обыкновению, явился барон.

Аптекарша приняла его сухо, не отвечала почти на вопросы и вскоре скрылась под предлогом домашних хлопот. Барон посердился и ушел домой. Франц Иванович молчал.

На другой день то же; на третий то же; аптекарша бледна и задумчива; ни разу она не улыбнулась, ни разу не вздохнула. Во взоре ее было что-то холодное, мертвое, страшное. Франц Иванович молчал.

Прошла неделя; был вечер; барон, поддерживая голову рукою, сидел в грустном раздумье. Холодность аптекарши лучше всякого умышленного кокетства усилила его страсть. Коварные замыслы исчезли. Он просто любил, как любят молодые люди, пламенно, без покоя, без сна, с малой надеждой и безмерным отчаянием.

Быстрая перемена Шарлотты была для него непостижима. Одна минута объяснения – и все могло бы поправиться, но теперь, как нарочно, проклятый аптекарь ни на шаг от жены не отходит.

Вдруг он поднял голову. Дверь скрипнула. В комнату вошел Франц Иванович.

– Вы здесь?

Франц Иванович был немножечко бледен.

– Я, – сказал он, – пришел к вам, барон, за довольно важным делом. Вы у нас в городе по

службе?

– По службе.

– Ваше поручение кончено?

– Кончено...

– Так зачем же вы у нас живете?

Барон смутился.

Аптекарь сложил руки и продолжал:

– До меня дошли гнусные сплетни, на которые я отвечал как следовало. Я так уверен в своей жене, что не оскорблю ее подозрением; однако в маленьком городке злоумышленный слух может иметь самые неприятные последствия, и это-то я обязан отвратить.

– Вам угодно сатисфакции? – сказал, подумав, барон.

– Сатисфакции? – отвечал с достоинством аптекарь. – Не стыдно ли вам, господин барон, и вымолвить такое предложение! Я не студент более и не светский человек. Вы думаете, что для личного неудовольствия, прискорбного лишь моему самолюбию, я готов погубить всю будущую участь своей жены или позволю вам играть со мною в великодушие. Нет, барон, мы с вами уже не мальчики. Я за другим делом пришел к вам.

– Что же вам угодно?

– Поезжайте в Петербург...

– Хорошо... через несколько дней...

– Нынче же...

– Не могу, право... – Не можете?

– Нет...

– В таком случае мы можем сесть, и я вам расскажу маленькую историю. В одном городке жил добрый старичок профессор. У него была единственная дочь... К ним вкрался в дом один бессовестный молодой человек...

– Позвольте! – закричал барон.

– Не перебивайте моей истории. Да, этот молодой человек был без совести, потому что, зная, что он не женится на девушке, он не должен был волновать ее неопытное сердце, не должен был вводить доверчивого старика в заблуждение, не должен был играть своими природными достоинствами и жертвовать для своей забавы спокойствием целого семейства...

Барон опустил голову.

– В том же городке жил другой молодой человек, не блистательный, без состояния, без красивой наружности. Не имея блестящей будущности, он трудился неутомимо, чтоб со временем достать себе кусок хлеба...

Но и у него было, может быть, сердце молодое, и он мог любить... ну, да не в том дело... Только он ничего не ожидал и ничего не надеялся – понимаете?.. Теперь буду говорить без обиняков. Когда вы уехали, все в городе знали, что Шарлотта вас любила. Все думали, по простым нашим понятиям, что, быв как жених в доме, вы скоро приедете к свадьбе. Но я один вас разгадал и пошел знакомиться с профессором. Старик мне рассказал, как он вас любил, как он надеялся и как обманулся. Я предложил ему ехать в Петербург узнать, есть ли еще надежда на ваше возвращение... Я отправился. В то время вы волочились за княжной Красносельской...

– Как, вы знаете? – воскликнул барон.

– Знаю. Она вам отказала. Но для Шарлотты не было надежды. Тогда я на ней женился.

Только, видит бог, я не докучал ей страстью, которой она не могла разделять. Я поклялся только быть ее защитником и хранителем. Отец ее умер. Я перевез ее сюда, думая, что ей будет слишком больно оставаться на месте, где столько для нее грустных воспоминаний... Но она все была печальна и несчастлива. Это меня убивало. Вы не знаете, что значит казаться всегда беззаботными веселым и таить тяжелое горе на душе. Вдруг вы приехали. Я думал, что, если жена моя вас все еще любит, мне останется убежать куда-нибудь... потому что я все готов отдать для ее счастья. Или если узнает она, до какой степени вы принадлежите большому свету, то она снова может обрести душевный покой. Так живу я с вашего приезда, не требуя, но ожидая признания. Нынче она мне все рассказала; она просила у меня прощения и защиты, как будто она виновата, как будто я ничего не знал. Она поручила мне – слышите ли, она сама мне поручила вам сказать, что она просит вас удалиться, потому что между светским щеголем и бедной аптекаршей не должно быть ничего общего. Извините меня, если я вас огорчаю, но я исполняю долг свой. Неужели вы не исполните своего?

– Яков! – закричал барон. – Ступай на почту за лошадьми.

Несколько минут ни тот, ни другой не могли вымолвить слова.

– Спасибо вам, – сказал наконец аптекарь. – Вы, однако ж, добрый человек. Свет вас не совсем еще испортил.

– И вы еще меня благодарите! – с чувством отвечал барон. – Вы, перед которым бы я должен был поклониться с благоговением.

Странный разговор их принял тогда другое направление. Они начали вспоминать университетские годы, своих общих товарищей, свою общую любовь. Они были как два человека, которые видят друг друга в первый раз. Аптекарь было жаль барона, а барон, пораженный высокой простотой аптекаря, в благородном порыве чувства признавал все свое ничтожество. В эту минуту между ними было что-то братское, потому что оба были готовы пожертвовать жизнью для одной и той же женщины.

Долго говорили они о прошедшей молодости, о старом профессоре, о коленкоровом платье, об окне с занавеской и о горьком опыте жизни, а между тем Яков радостно перетаскивал чемоданы и пристегивал ремни к дорожной коляске.

Наконец лошади приведены. Все готово. Барон и аптекарь обнялись.

– Поклонитесь ей, – сказал, заплакав, барон.

– Не забывайте нас, – отвечал печально аптекарь.

Они еще раз обнялись.

Кучер махнул кнутом. Коляска покатила.

Когда аптекарь возвратился домой, жена его, бледная, покрытая распущенными волосами, стояла на крыльце со свечой в руке и трепетно ожидала возвращения его.

– Ну, что? – спросила она глухим голосом.

– Уехал, – отвечал задумчиво Франц Иванович. – Теперь ты будешь спокойна.

– Уехал!.. – протяжно сказала аптекарша. – Уехал!..

Свеча выпала из руки ее, и она без чувств покатила на пол.

Прошел год. В русском городке мало перемены. Гостиный двор нагнулся еще более. Кое-где еще несколько крыш развалилось. Ходить по тротуарам стало невозможно.

Однажды утром знакомый нам господин в венгерке, посидев в лавке купца Воряшева, попробовав нового черносливу и старых пряников, пошел к почтовому двору узнать, нет ли проезжающих. Попрыгивая по грязным тропинкам, он заметил идущего к нему навстречу

человека. Первым взглядом опытного провинциала он заключил, что встречный не из городских, а вторым – что он ему не совсем незнаком. Он подошел поближе и вдруг остановился.

– Ба!.. Барон!

– Здравствуйте.

– Что, вы опять к нам?

– Нет; я только проезжаю.

– А коляска ваша?

– Она у почтового двора. Лошадей запрягают, а пока я пошел прогуляться.

– Так-с... Какой хорошенький у вас платочек носовой! Фуляровый, что ли?

– Да.

– Ах! Позвольте взглянуть. Очень мило!

Барон вдруг остановился и побледнел.

– Скажите, пожалуйста, – спросил он трепетно, – отчего в аптеке снята вывеска?

– Как, вы разве не знаете?

– Нет.

– У нас аптеки нет больше.

– А Франц Иваныч?

– Переехал в губернский город.

– Право? Отчего ж?

– Да так, после несчастья не хотел оставаться.

– После какого несчастья?

– Как, вы и этого не знаете?

– Нет.

– Шарлотта-то Карловна...

– Ну?..

– Долго жить приказала.

– Умерла?!.

– Да вот никак уж четвертый месяц. А я думал, что вы это знаете. Да, умерла бедняжка.

Ведь, помните, хорошенькая была! Хоть бы в столице: сказали бы, что хорошенькая, право.

– Она долго была больна?

– Месяцев восемь. Муж, бедный, не отходил от нее ни на шаг. Да что тут делать? Против чахотки нет средств. Вы пробудете день с нами? Городничий наш женился на польке. У него можем отобедать. Знаете что?

Странность какая! С тех пор как он женился, он совсем перестал хвалить полек – такой, право. Пойдемте к нему.

– Нет, нет! Я спешу в Петербург. Прощайте!

Из-за угла показалась дорожная коляска.

Есть некий час, в ночи, всемирного
 молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

Не позднее первой половины 1829

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

Не позднее 1829

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

Не позднее 1829

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, —
И задымилася гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил, —

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

Не позднее 1829

Ты любишь, ты притворствовать умеешь, —
Когда в толпе, украдкой от людей,
Моя нога касается твоей —
Ты мне ответ даешь – и не краснеешь!

Все тот же вид рассеянный, бездушный,
Движенье персей, взор, улыбка та ж...
Меж тем твой муж, сей ненавистный страж,
Любуется твоей красотой послушной.

Благодаря и людям и судьбе,
Ты тайным радостям узнала цену,
Узнала свет: он ставит нам в измену
Все радости... Измена льстит тебе.

Стыдливости румянец невозвратный,
Он улетел с молодых твоих ланит —
Так с юных роз Авроры луч бежит
С их чистою душою ароматной.

Но так и быть! в палящий летний зной
Лестней для чувств, приманчивей для взгляда
Смотреть, в тени, как в кисти винограда
Сверкает кровь сквозь зелени густой.

Не позднее 1829

Последний катаклизм

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

Не позднее 1829

«Еще шумел веселый день...»

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносились порой
Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилось молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

Не позднее 1829

7

Студенческие пиры. (Прим. авт.).

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

Не позднее 1829

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

Конец 1820-х

10

Честь и слава в веках! (лат.).

11

В Россию (нем.).

«Как океан объемлет шар земной...»

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
 Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
 В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
 Со всех сторон окружены.

Не позднее первых месяцев 1830

13

Еще! (нем.).

Увеселительная прогулка (фр.).

Гроза прошла – еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозой освеженной.

А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалась,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

1830

Обеих вас я видел вместе —
И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!

И все, как в зеркале волшебном,
Все обозначилося вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

Июнь – сентябрь 1830

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С удовольствием тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье^[2],
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

Угоден Зевсу бедный странник,
Над ним святой его покров!..
Домашних очагов изгнанник,
Он гостем стал благих богов!..

Сей дивный мир, их рук созданье,
С разнообразием своим,
Лежит, развитый перед ним
В утеху, пользу, назиданье...

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля,
Он видит всё и славит бога!..

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал – и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой!..

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Не позднее 1830

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Все на́ душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва,
«Вы, – мыслил я, – пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с берегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной, —
Так отрок, чар ночных свидетель быв
случайный,
Про них и днем молчание хранит.

Песок сыпучий по колени...
Мы едем – поздно – меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

1830

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

1830

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят, —
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Все красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелые их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия Зари
Дремлют, грозны и туманны,
Словно падшие цари!..

Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным конец —
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блестит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..

Люблю сей Божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима.
Все та ж высокая, безоблачная твердь,
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Все тот же теплый ветер верхи деревьев колышет,
Все тот же запах роз, и это все есть Смерть!..

Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса,
Предвестники для нас последнего часа
И усладители последней нашей муки.
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

Не позднее 1830

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими – и молчи!..

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью – и молчи!..

Не позднее 1830

(Из Уланда^[5])

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалика,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

Не позднее первых месяцев 1832

Сон на море

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликалися ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшеббно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижимый сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

Сентябрь 1833 (?)

О арфа скальда!^[8] Долго ты спала
В тени, в пыли забытого угла;
Но лишь луны, очаровавшей мглу,
Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Какой он жизнью на тебя дохнул?
Иль старину тебе он вспомянул —
Как по ночам здесь сладострастных дев
Давно минувший вторился напев,
Иль в сих цветущих и поднесь садах
Их легких ног скользил незримый шаг?

21 апреля 1834

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшись в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит, —

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

16 сентября 1834

«Из края в край, из града в град...»

Из края в край, из града в град
Судьба, как вихрь, людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Что нужды ей?.. Вперед, вперед!

Знакомый звук нам ветер принес:
Любви последнее прости...
За нами много, много слез,
Туман, неизвестность впереди!..

«О, оглянися, о, постой,
Куда бежать, зачем бежать?..
Любовь осталась за тобой,
Где ж в мире лучшего сыскать?

Любовь осталась за тобой,
В слезах, с отчаяньем в груди...
О, сжался над своей тоской,
Свое блаженство пощади!

Блаженство стольких, стольких дней
Себе на память приведи...
Все милое душе твоей
Ты покидаешь на пути!..»

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.
Усопших образ тем страшней,
Чем в жизни был милей для нас.

Из края в край, из града в град
Могучий вихрь людей метет,
И рад ли ты, или не рад,
Не спросит он... Вперед, вперед!

Между 1834 и апрелем 1836

«Я помню время золотое...»

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка в дол глядит,
Стояла ты, молодая фея,
На мшистый опершись гранит.

Ногой младенческой касаясь
Обломков груди вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливым провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

Между 1834 и апрелем 1836

«О чем ты воешь, ветер ночной?...»

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

Не позднее 1836

«Поток сгустился и тускнеет...»

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет и звук немеет
В оцепененье ледяном, —
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она все льется – и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя, —
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот.

Не позднее 1836

«В душном воздухе молчанье...»

В душном воздухе молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

Не позднее мая 1836

«Что ты клонишь над водами...»

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

Не позднее мая 1836

«Вечер мгlistый и ненастный...»

Вечер мгlistый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

Не позднее мая 1836

«Восток белел. Ладья катилась...»

Восток белел. Ладья катилась,
Ветрило весело звучало, —
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало...

Восток алел. Она молилась,
С чела откинув покрывало,
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликovalo...

Восток вспылал. Она склонилась,
Блестящая поникла выя, —
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...

Не позднее мая 1836

«Как птичка, раннею зарей...»

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, востепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

Не позднее мая 1836

Над виноградными холмами
Плывут золотые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там, в горном неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче, и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет...
Лишь жизнь природы там слышна,
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

Не позднее мая 1836

Сижу задумчив и один,
На потухающий камин
 Сквозь слез гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моем
 Не нахожу.

Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?
 Оно пройдет —
Пройдет оно, как все прошло,
И канет в темное жерло
 За годом год.

За годом год, за веком век...
Что ж негодует человек,
 Сей знак земной!..
Он быстро, быстро вянет – так,
Но с новым летом новый знак
 И лист иной.

И снова будет все, что есть,
И снова розы будут цвести,
 И терны тож...
Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
 Не расцветешь!

Ты сорван был моей рукой,
С каким блаженством и тоской,
 То знает бог!..
Останься ж на груди моей,
Пока любви не замер в ней
 Последний вздох.

Не позднее мая 1836

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набрести на свежий дух синели^[9]
Или на светлую мечту...

Не позднее 1835

«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...»

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой!
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса,
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный еженощный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

Не позднее мая 1836

«С поляны коршун поднялся...»

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!..

Не позднее мая 1836

«Душа хотела б быть звездой...»

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —

Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

Не позднее апреля 1836

«Яркий снег сиял в долине...»

Яркий снег сиял в долине, —
Снег растаял и ушел;
Вешний злак блестит в долине, —
Злак увянет и уйдет.

Но который век белеет
Там, на высях снеговых?
А заря и ныне сеет
Розы свежие на них!..

Не позднее апреля 1836

«Не то, что мните вы, природа...»

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

.....
.....
.....
.....

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

.....
.....
.....
.....

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Души его, ах! не встревожит
И голос матери самой!..

«Вчера, в мечтах обвороженных...»

Вчера, в мечтах обвороженных,
С последним месяца лучом
На веждах, томно озаренных,
Ты поздним позабылась сном.

Утихло вокруг тебя молчанье,
И тень нахмурилась темней,
И груди ровное дыханье
Струилось в воздухе слышней.

Но сквозь воздушный завес окон
Недолго лился мрак ночной,
И твой, взвеваясь, сонный локон
Играл с незримою мечтой.

Вот тихоструйно, тиховейно,
Как ветерком занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдруг что-то порхнуло в окно.

Вот невидимкой пробежало
По темно брезжущим коврам,
Вот, ухватясь за одеяло,
Взбираться стало по краям, —

Вот, словно змейка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вот, словно лента развеваясь,
Меж пологам развилось...

Вдруг животрепетным сияньем
Коснувшись персей молодых,
Румяным, громким восклицаньем
Раскрыло шелк ресниц твоих!

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости...
Прости всему, чем сердце жило,
Что, жизнь твою убив, ее испепелило
В твоей измученной груди!..

Прости... Чрез много, много лет
Ты будешь помнить с содроганьем
Сей край, сей берег с его полуденным
сияньем,
Где вечный блеск и долгий цвет,
Где поздних, бледных роз дыханьем
Декабрьский воздух разогрет.

Декабрь 1837

И распротысь с тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь, —
Блаженной тенью, тенью элисейской
Она заснула в добрый час.

И вот, уж века два тому иль боле,
Волшебною мечтой ограждена,
В своей цветущей опочив юдоле,
На волю неба предалась она.

Но небо здесь к земле так благосклонно!..
И много лет и теплых южных зим
Провеяло над нею полусонно,
Не тронувши ее крылом своим.

По-прежнему в углу фонтан лепечет,
Под потолком гуляет ветерок,
И ласточка влетает и щебечет...
И спит она... и сон ее глубок!..

И мы вошли... Все было так спокойно!
Так все от века мирно и темно!..
Фонтан журчал... Недвижимо и стройно
Соседний кипарис глядел в окно.

.....
Вдруг все смутилось: судорожный трепет
По ветвям кипарисным пробежал, —
Фонтан замолк – и некий чудный лепет,
Как бы сквозь сон, невнятно прошептал.

Что это, друг? Иль злая жизнь не даром,
Та жизнь, – увы! – что в нас тогда текла,
Та злая жизнь, с ее мятежным жаром,
Через порог заветный перешла?

Декабрь 1837

Давно ль, давно ль, о Юг блаженный,
Я зрел тебя лицом к лицу —
И ты, как бог разоблаченный,
Доступен был мне, пришлецу?..
Давно ль – хотя без восхищенья,
Но новых чувств недаром полн —
И я заслушивался пенья
Великих Средиземных волн!

И песнь их, как *во время оно*,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая всплыла...
Они все те же и поныне —
Все так же блещут и звучат,
По их лазоревой равнине
Святые призраки скользят.

Но я, я с вами распростился —
Я вновь на Север увлечен...
Вновь надо мною опустился
Его свинцовый небосклон...
Здесь воздух колет. Снег обильный
На высотах и в глубине —
И холод, чародей всесильный,
Один здесь царствует вполне.

Но там, за этим царством вьюги
Там, там, на рубеже земли,
На золотом, на светлом Юге
Еще я вижу вас вдали:
Вы блещете еще прекрасней,
Еще лазурней и свежей —
И говор ваш еще согласней
Доходит до души моей!

Декабрь 1837

«С какою негою, с какою тоской влюбленной...»

С какою негою, с какою тоской влюбленной
Твой взор, твой страстный взор изнемогал
на нем!
Бессмысленно-нема... нема, как опаленный
Небесной молнии огнем!

Вдруг от избытка чувств, от полноты сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
Но скоро добрый сон, младенчески-беспечный,
Сходил на шелк твоих ресниц —

И на руки к нему глава твоя склонялась,
И, матери нежней, тебя лелеял он...
Стон замирал в устах... дыханье уравнилось —
И тих и сладок был твой сон.

А днесь... О, если бы тогда тебе приснилось,
Что будущность для нас обоих берегла...
Как уязвленная, ты б с воплем пробудилась,
Иль в сон иной бы перешла.

Конец 1837

«Смотри, как запад разгорелся...»

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!
В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И, неподвижною средою
Деля, не соединяет их?

Не позднее первых месяцев 1838

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;
Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены, —
Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет;
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет, —
И страх кончины неизбежный
Не светит с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —

И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

Не позднее 1838

На мир таинственный духóв,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День – сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Не позднее начала 1839

«Не верь, не верь поэту, дева...»

Не верь, не верь поэту, дева,
Его своим ты не зови —
И пуще пламенного гнева
Страшись поэтовой любви!

Его ты сердца не усвоишь
Своей младенческой душой;
Огня палящего не скроешь
Под легкой девственной фатой.

Поэт всемогущ, как стихия,
Не властен лишь в себе самом;
Невольно кудри молодые
Он обожжет своим венцом.

Вотще поносит или хвалит
Его бессмысленный народ...
Он не змиею сердце жалит,
Но как пчела его сосет.

Твоей святыни не нарушит
Поэта чистая рука,
Но ненароком жизнь задушит
Иль унесет за облака.

Не позднее начала 1839

«Живым сочувствием привета...»

Живым сочувствием привета
С недостижимой высоты,
О, не смущай, молю, поэта!
Не искушай его мечты!

Всю жизнь в толпе людей затерян,
Порой доступен их страстям,
Поэт, я знаю, суеверен,
Но редко служит он властям.

Перед кумирами земными
Проходит он, главу склонив,
Или стоит он перед ними
Смущен и гордо-боязлив...

Но если вдруг живое слово
С их уст, сорвавшись, упадет,
И сквозь величия земного
Вся прелесть женщины мелькнет,

И человеческим сознанием
Их всемогущей красоты
Вдруг озарятся, как сияньем,
Изящно-дивные черты, —

О, как в нем сердце пламенеет!
Как он восторжен, умилен!
Пускай любить он не умеет —
Боготворить умеет он!

Октябрь (?) 1840

«Глядел я, стоя над Невой...»

Глядел я, стоя над Невой,
Как Исаака-великана
Во мгле морозного тумана
Светился купол золотой.

Всходили робко облака
На небо зимнее, ночное,
Белела в мертвенном покое
Оледенелая река.

Я вспомнил, грустно-молчалив,
Как в тех страна́х, где солнце греет,
Теперь на солнце пламенеет
Роскошный Генуи залив...

О Север, Север-чародей,
Иль я тобою околдован?
Иль в самом деле я прикован
К гранитной полосе твоей?

О, если б мимолетный дух,
Во мгле вечерней тихо вея,
Меня унес скорей, скорее
Туда, туда, на теплый Юг...

21 ноября 1844

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрянуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой, —
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!

И озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой —
Надоеет волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмирееет вновь она —
И без вою, и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечеряющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участия
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах,
Как брат меньшей, умерший в пеленах...

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил!

13 июня 1849

«Тихой ночью, поздним летом...»

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

23 июля 1849

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей, —
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Все звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...
Воскресает предо мною
Край иной – родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провеваает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

«Слезы людские, о слезы людские...»

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

Осень 1849

«Как дымный столп светлеет в вышине!...»

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит, неуловима!..
«Вот наша жизнь, – промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848 или 1849

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 или 1849

Ты возразил на отзыв роковой...

Года прошли – и вот, из ссылки тесной
На родину вернувшийся мертвец,
На берегах реки, тебе любезной,
Тревожный дух, почил ты наконец...
Но чуток сон – и по ночам, тоскуя,
Порою встав, он смотрит на Восток
И вдруг, смутясь, бежит, как бы почуя
 Передрассветный ветерок.

Не позднее мая 1836

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

Не позднее начала 1850

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Все тот же мир, волшебный, но
отживший!..

Не позднее начала 1850

Дождь Венеции свободной
Средь лазоревых зыбей,
Как жених порфирородный,
Достопавно, всенародно
Обручался ежагодно
С Адриатикой своей.

И неааром в эти воды
Он кольцо свое бросал:
Веки целые, не годы
(Дивовались народы),
Чудный перстень воеводы
Их вязал и чаровал...

И чета в любви и мире
Много славы нажила —
Века три или четыре,
Все могучее и шире,
Разрасталась в целом мире
Тень от львиного крыла.

А теперь?
 В волнах забвенья
Сколько брошенных колец!..
Миновались поколенья, —
Эти кольца обрученья,
Эти кольца стали звенья
Тяжкой цепи наконец!..

Не позднее начала 1850

«Кончен пир, умолкли хоры...»

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты, —
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами, —
Как над этим дольным чадом,
В горнем выпрленном пределе
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами..

Не позднее начала 1850

«Пошли, господь, свою отраду...»

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

Июль 1850

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чем тужить?
День пережит – и слава богу!

Июль 1850

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

Сыплет искры золотые,
Сеет розы огневые
И уносит их поток.
Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок...

12 августа 1850

«Обвеян вещею дремотой...»

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участием умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч.

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

15 сентября 1850

Не знаю я, коснется ль благодать [\[12\]](#)
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?

Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

Апрель 1851

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьям молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым, —
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

Май 1851

«Не раз ты слышала признание...»

Не раз ты слышала признание:
«Не стою я любви твоей».
Пускай мое она создание —
Но как я беден перед ней...

Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе —
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

Когда порой так умиленно,
С такою верой и мольбой
Невольно клонишь ты колени
Пред колыбелью дорогой,

Где спит *она* – твое рождение —
Твой безымянный херувим^[13], —
Пойми ж и ты мое смирение
Пред сердцем любящим твоим.

1851, после 20 мая

Дума за думой, волна за волной —
Два проявления стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь – в заключении, там – на просторе, —
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой.

14 июля 1851

В разлуке есть высокое значенье^[14]:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон – одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

6 августа 1851

«День вечереет, ночь близка...»

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня, —
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть, —
Но с страстной женскою душой.

1 ноября 1851

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я стражду, не живу... им, им одним живу я —
Но эта жизнь!.. О, как горька она!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно.
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

1850 – начало 1851

«Чему молилась ты с любовью...»

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

1851 – начало 1852

Я очи знал, – о, эти очи!
Как я любил их, – знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог.

В непостижимом этом взоре,
Жизнь обнажающем до дна,
Такое слышалось горе,
Такая страсти глубина!

Дышал он грустный, углубленный
В тени ресниц ее густой,
Как наслажденье, утомленный
И, как страданье, роковой.

И в эти чудные мгновенья
Ни разу мне не довелось
С ним повстречаться без волненья
И любоваться им без слез.

Не позднее начала 1852

Есть близнецы – для земнородных
Два божества, – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных —
Она угрюмей, кротче он...

Но есть других два близнеца —
И в мире нет четы прекрасней,
И обаянья нет ужасней,
Ей предающего сердца...

Союз их кровный, не случайный,
И только в роковые дни
Своей неразрешимой тайной
Обворожают нас они.

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений —
Самоубийство и Любовь!

Не позднее начала 1852

Mobile comme l'onde^[15]

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод, —

Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещице твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет – в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоём.

Апрель 1852

1

Я видел вечер твой. Он был прекрасен!
В последний раз прощаясь с тобой,
Я любовался им: и тих, и ясен,
И весь насквозь проникнут теплотой...
О, как они и грели и сияли —
Твои, поэт, прощальные лучи...
А между тем заметно выступали
Уж звезды первые в его ночи...

2

В нем не было ни лжи, ни раздвоенья —
Он всё в себе мирил и совмещал.
С каким радушием благоволенья
Он были мне Омировы читал...
Цветущие и радужные были
Младенческих, первоначальных лет...
А звезды между тем на них сводили
Таинственный и сумрачный свой свет...

3

Поистине, как голубь, чист и цел
Он духом был; хоть мудрости змииной
Не презирал, понять ее умел,
Но веял в нем дух чисто голубиный.
И этою духовной чистотою
Он возмужал, окреп и просветлел.
Душа его возвысилась до строю:
Он стройно жил, он стройно пел...

4

И этот-то души высокий строй,
Создавший жизнь его, проникший лиру,
Как лучший плод, как лучший подвиг свой,
Он завещал взволнованному миру...
Поймет ли мир, оценит ли его?
Достойны ль мы священного залога?
Иль не про нас сказало божество:
«Лишь сердцем чистые, те узрят бога!»

Конец июня 1852

«Сияет солнце, воды блещут...»

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

28 июля 1852

«Чародейкою Зимою...»

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

31 декабря 1852

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...

Ты помнишь ли бывшее, Неман?
Тот день години роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам – могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними,
И двигал всем, и всё стерег
Очами чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял *Другой* – стоял и ждал...
И мимо проходила рать —
Всё грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...

И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе

Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

5–7 сентября 1853

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?..

Гляжу тревожными глазами
На этот блеск, на этот свет...
Не издеваются ль над нами?
Откуда нам такой привет?..

Увы, не так ли молодая
Улыбка женских уст и глаз,
Не восхищая, не прельщая,
Под старость лишь смущает нас.

Около 11 августа 1854

Увы, что нашего незнанья^[18]
И беспомощней и грустней?
Кто смеет молвить: *до свиданья*
Чрез бездну двух или трех дней?

11 сентября 1854

Пламя рдеет, пламя пышет^[19],
Искры брызжут и летят,
А на них прохладой дышит
Из-за речки темный сад.
Сумрак тут, там жар и крики,
Я брожу как бы во сне, —
Лишь одно я живо чую:
Ты со мной и вся во мне.

Треск за треском, дым за дымом,
Трубы голые торчат,
А в покое нерушимом
Листья веют и шуршат.
Я, дыханьем их обвеян,
Страстный говор твой ловлю...
Слава богу, я с тобою,
А с тобой мне – как в раю.

10 июля 1855

Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошное и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

Июль 1855 (?)

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

13 августа 1855

Вот от моря и до моря
Нить железная скользит,
Много славы, много горя
Эта нить порой гласит.

И, за ней следя глазами,
Путник видит, как порой
Птицы вещие садятся
Вдоль по нити вестовой.

Вот с поляны ворон черный
Прилетел и сел на ней,
Сел и каркнул, и крылами
Замахал он веселей.

И кричит он, и ликует,
И кружится всё над ней:
Уж не кровь ли ворон чует
Севастопольских вестей?

13 августа 1855

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты – жилица двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

«Не богу ты служил и не России...»

Не богу ты служил и не России^[20],
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Не ранее февраля 1855

Стоим мы слепо пред Судьбою,
Не нам сорвать с нее покров...
Я не свое тебе открою,
Но бред пророческий духов...

Еще нам далеко до цели,
Гроза ревет, гроза растет, —
И вот – в железной колыбели,
В громах родился Новый год...

Черты его ужасно строги,
Кровь на руках и на челе...
Но не одни войны тревоги
Принес он людям на земле.

Не просто будет он воитель,
Но исполнитель божьих кар, —
Он совершит, как поздний мститель,
Давно задуманный удар...

Для битв он послан и расправы,
С собой принес он два меча:
Один – сражений меч кровавый,
Другой – секиру палача.

Но для кого?.. Одна ли вы,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые,
И смутен замогильный сон...

31 декабря 1855

«Все, что сберець мне удалось...»

Все, что сберець мне удалось [\[21\]](#),
Надежды, веры и любви,
В одну молитву все слилось:
Переживи, переживи!

8 апреля 1857

Вполне понятно мне значенье
Твоей болезненной мечты,
Твоя борьба, твое стремленье,
Твое тревожное служенье
Пред идеалом красоты...

Так узник эллинский, порою
Забывшись сном среди степей,
Под скифской вьюгой снеговою
Свободой бредил золотою
И небом Греции своей.

4 февраля 1857

Она сидела на полу^[24]
И грудю писем разбирала —
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратно пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени, —
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

Не позднее апреля 1858

Когда, что звали мы своим,
Навек от нас ушло
И, как под камнем гробовым,
Нам станет тяжело, —

Пойдем и бросим беглый взгляд
Туда, по склону вод,
Куда стремглав струи спешат,
Куда поток несет.

Одна другой наперерыв
Спешат, бегут струи
На чей-то роковой призыв,
Им слышимый вдали...

За ними тщетно мы следим —
Им не вернуться вспять...
Но чем мы долее глядим,
Тем легче нам дышать...

И слезы брызнули из глаз —
И видим мы сквозь слез,
Как все, волнуясь и клубясь,
Быстрее понеслось...

Душа впадает в забытье,
И чувствует она,
Что вот уносит и ее
Всесильная волна.

15 августа 1855

I

Грустный вид и грустный час —
Дальний путь торопит нас...
Вот, как призрак гробовой,
Месяц встал – и из тумана
Осветил безлюдный край...
Путь далек – не унывай...

Ах, и в этот самый час,
Там, где нет теперь уж нас,
Тот же месяц, но живой,
Дышит в зеркале Лемана...
Чудный вид и чудный край —
Путь далек – не вспоминай...

II

Родной ландшафт... Под дымчатым навесом
Огромной тучи снеговой
Синеет даль – с ее угрюмым лесом,
Окутанным осенней мглой...
Все голо так – и пусто-необъятно
В однообразии немом...
Местами лишь просвечивают пятна
Стоячих вод, покрытых первым льдом.

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья —
Жизнь отошла – и, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья,
Здесь человек лишь снится сам себе.
Как свет дневной, его тускнеют взоры,
Не верит он, хоть видел их вчера,
Что есть края, где радужные горы
В лазурные глядятся озера...

Конец октября 1859.

По дороге из Кенигсберга в Петербург

На небо месяц – и ночная
Еще не тронулася тень,
Царит себе, не сознавая,
Что вот уж встрепенулся день, —

Что хоть лениво и несмело
Луч возникает за лучом,
А небо так еще всецело
Ночным сияет торжеством.

Но не пройдет двух-трех мгновений,
Ночь испарится над землей,
И в полном блеске проявлений
Вдруг нас охватит мир дневной...

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя, —
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам, —
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

Октябрь 1860. Женева

«Я знал ее еще тогда...»

Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...

И все еще была она
Той свежей прелести полна,
Той дорассветной темноты,
Когда незрима, неслышна,
Роса ложится на цветы...

Вся жизнь ее тогда была
Так совершенна, так цела,
И так среде земной чужда,
Что, мнится, и она ушла
И скрылась в небе, как звезда.

27 марта 1861

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

И все для сердца и для глаз
Так было холодно-бесцветно,
Так было грустно-безответно, —
Но чья-то песнь вдруг раздалась...

И вот, каким-то обаяньем,
Туман, свернувшись, улетел,
Небесный свод поголубел
И вновь подернулся сияньем...

И все опять зазеленело,
Все обратилось к весне...
И эта греза снилась мне,
Пока мне птичка ваша пела.

После 1863

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной,
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там – в родном краю —
Одной могилой^[29] меньше было...

11/23 октября 1864. Женева

«Как неразгаданная тайна...»

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье,
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

3 ноября 1864

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет – и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

21 ноября 1864

Когда на то нет божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, —
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он милосердый, всемогущий,
Он, греющий своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

12 января 1864

Есть и в моем страдальческом застое^[31]
Часы и дни ужаснее других...
Их тяжкий гнет, их бремя роковое
Не выскажет, не выдержит мой стих.

Вдруг все замрет. Слезам и умиленью
Нет доступа, все пусто и темно,
Минувшее не веет легкой тенью,
А под землей, как труп, лежит оно.

Ах, и над ним в действительности ясной,
Но без любви, без солнечных лучей,
Такой же мир бездушный и бесстрастный,
Не знающий, не помнящий о ней.

И я один, с моей тупой тоскою,
Хочу сознать себя и не могу —
Разбитый челн, заброшенный волною
На безымянном диком берегу.

О господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассей:
Ты взял ее, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, —

По ней, по ней, свой подвиг совершившей
Весь до конца в отчаянной борьбе,
Так пламенно, так горячо любившей
Наперекор и людям и судьбе, —

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.

Est in arundineis modulatio musica ripis[\[32\]](#)

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный музыкальный шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

11 мая 1865

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит – во мраке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

30 мая 1865

«Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло...»

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упреку,
Утратив все, приветствую судьбу...
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своем гробу.

15 июля 1865

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и доли,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она все ярче, все живее —
Вся разгорается она —
Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей...

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его – лови скорей!
Смотри – оно уж побледнело,
Еще минута, две – и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

5 августа 1865

Как ни бесилося злоречье^[35],
Как ни трудилося над ней,
Но этих глаз чистосердечье —
Оно всех демонов сильней.

Все в ней так искренно и мило,
Так все движенья хороши;
Ничто лазури не смутило
Ее безоблачной души.

К ней и пылинка не пристала
От глупых сплетней, злых речей;
И даже клевета не смяла
Воздушный шелк ее кудрей.

21 декабря 1865

«Тихо в озере струится...»

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достопавностей былых.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывое чудно веет
Обаянием своим.

Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывое
Словно дышит в забвении;
Дремлет сладко, беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

Июль 1866

«Когда дряхлеющие силы...»

Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, —

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;

От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;

От желчи горького сознания,
Что нас поток уж не несет
И что другие есть призванья,
Другие вызваны вперед;

Ото всего, что тем задорней,
Чем глубже крылось с давних пор, —
И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор.

1–3 сентября 1866

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

28 ноября 1866

«Как ни тяжел последний час...»

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, —
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

14 октября 1867

Широко, необозримо,
Грозной тучею сплошной,
Дым за дымом, бездна дыма
Тяготееет над землей.

Мертвый стелется кустарник,
Травы тлятся, не горят,
И сквозит на крае неба
Обожженных елей ряд.

На пожарище печальном
Нет ни искры, дым один, —
Где ж огонь, злой истребитель,
Полномочный властелин?

Лишь украдкой, лишь местами,
Словно красный зверь какой,
Пробираясь меж кустами,
Пробежит огонь живой!

Но когда наступит сумрак,
Дым сольется с темнотой,
Он потешными огнями
Весь осветит лагерь свой.

Пред стихийной вражьей силой
Молча, руки опустя,
Человек стоит уныло —
Беспомощное дитя.

Июль 1868

«Нам не дано предугадать...»

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

27 февраля 1869

Две силы есть – две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая – Суд людской.

И та и тот равно неотразимы,
И безответственны и тот и та,
Пощады нет, протесты нетерпимы,
Их приговор смыкает всем уста...

Но Смерть честней – чужда лицепрятью,
Не тронута ничем, не смущена,
Смиренную иль ропщущую братью —
Своей косою равняет всех она.

Свет не таков: борьбы, разноголосья —
Ревнивый властелин – не терпит он,
Не косит сплошь, но лучшие колосья
Нередко с корнем вырывает вон.

И горе ей – увы, двойное горе, —
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взоре,
С улыбкой на устах – в неравный бой.

Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянье
Идет сама навстречу клеветы,

Личиною чела не прикрывает,
И не дает принизиться челу,
И с кудрей молодых, как пыль, свевает
Угрозы, брань и страстную хулу, —

Да, горе ей – и чем простосердечней,
Тем кажется виновнее она...
Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.

«Как нас ни угнетай разлука...»

Как нас ни угнетай разлука,
Не покоряемся мы ей —
Для сердца есть другая мука,
Невыносимей и больней.

Пора разлуки миновала,
И от нее в руках у нас
Одно осталось покрывало,
Полупрозрачное для глаз.

И знаем мы: под этой дымкой
Все то, по чем душа болит,
Какой-то странной невидимкой
От нас таится – и молчит.

Где цель подобных искушений?
Душа невольно смущена,
И в колесе недоумений
Вертится нехотя она.

Пора разлуки миновала,
И мы не смеем, в добрый час,
Задеть и сдернуть покрывало,
Столь ненавистное для нас!

14 октября 1869

Уже великое небесное светило,
Лиюще с высоты обилие и свет,
Начертанным путем годичный круг свершило
И в ново поприще в величии грядет! —
И се! Одеанный блистательной зарею,
Пронзив эфирных стран белеющийся свод,
Слетает с урной роковою
Младый сын Солнца – Новый год!..

Предшественник его с лица земли сокрылся,
И по течению вратящихся времен,
Как капля в океан, он в вечность погрузился!
Сей год равно пройдет!.. Устав небес священ...
О Время! Вечности подвижное зеркало! —
Всё рушится, падет под дланию твоей!..
Сокрыт предел твой и начало
От слабых смертного очей!..

Века рождаются и исчезают снова,
Одно столетие стирается другим;
Что может избежать от гнева Крона злого?
Что может устоять пред грозным богом сим?
Пустынный ветер свистит в руинах Вавилона!
Стадятся звери там, где процветал Мемфис!
И вокруг развалин Илиона
Колючи терны обвилились!..

А ты, сын роскоши! о смертный сладострастный,
Беспечна жизнь твоя средь праздности и нег
Спокойно катится!.. Но ты забыл, несчастный:
Мы все должны узреть Коцита грозный брег!..
Возвышенный твой сан, льстецы твои и злато
От смерти не спасут! Ужель ты не видал,
Сколь часто гром огнекрылатый
Разит чело высоких скал?..

И ты еще дерзнул своей рукою жадной
Отъять насыщенный хлеб у вдов и у сирот;
Изгнать из родины семейство безотрадно!..
Слепец! стезя богатств к гибели ведет!..
Разверзлась пред тобой подземная обитель!
О жертва Тартара! о жертва Евменид,

Блеск пышности твоей, грабитель!
Богинь сих грозных не пленит!..

Там вечно будешь зреть секиру изошренну,
На тонком волоске висящу над головой;
Покроет плоть твою, всю в язвах изможденну,
Не ткани пурпурны – червей кипящий рой!..
Возложишь не на одр растерзанные члены,
Где б неге льстил твоей приятный мягкий пух,
Но нет – на жупел раскаленный, —
И вечный вопль пронзит твой слух!

Но что? сей страшный сонм! сии кровавы тени
С улыбкой злобною, они к тебе спешат!..
Они прияли смерть от варварских гонений!
От них и ожидай за варварство наград! —
Страдай, томись, злодей, ты жертва адской
мести! —
Твой гроб забвенный здесь покрыла мурава! —
И навсегда со гласом лести
Умолкла о тебе молва!

Конец декабря 1815 – начало января 1816

«Пускай от зависти сердца зоилов ноют...»

Пускай от зависти сердца зоилов ноют.
Вольтер! Они тебе вреда не нанесут...
Питомца своего Пиериды покروют
И *Дивного* во храм бессмертья проведут!

8 мая 1818

Послание Горация к Меценату, в котором приглашает его к сельскому обеду

Приди, желанный гость, краса моя и радость!
Приди, – тебя здесь ждет и кубок круговой,
И розовый венок, и песней нежных сладость!

Возженны не льстеца рукой,
Душистый анемон и крины
Лият на брашны аромат,
И полные плодов корзины
Твой вкус и зренье усладят.

Приди, муж правоты, народа покровитель,
Отчизны верный сын и строгий друг царев,
Питомец счастливый кастальских чистых дев,

Приди в мою смиренную обитель!
Пусть велелепные столпы,
Громады храмин позлащенны

Прельщают алчный взор несмысленной толпы;
Оставь на время град, в заботах погруженный,
Склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя
покой.

Под кровом сельского Пената,
Где все красуется, все дышит простотой,
Где чужд холодный блеск и пурпура и злата, —

Там сладок кубок круговой!

Чело, наморщенное думой,

Теряет здесь свой вид угрюмый;

В обители отцов все льет отраду нам!

Уже небесный лев тяжелою стопою

В пределах зноя стал – и пламенной стезею

Течет по светлым небесам!..

В священной рощице Сильвана,

Где мгла таинственна с прохладой слиянна,

Где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий
свет,

Игривый ручеек едва-едва течет

И шепчет в сумраке с прибрежной осокою;

Здесь в знойные часы, пред рощею густою,

Спит стадо и пастух под сению прохлад,

И в розовых кустах зефиры легки спят.

А ты, Фемиды жрец, защитник беззащитных.

Проводишь дни свои под бременем забот;

И счастье сограждан – благий, достойный

плод

Твоих стараний неусыпных! —

Для них желал бы ты познать судьбы предел;
Но строгий властелин земли, небес и ада
Глубокой, вечной тьмой грядущее одел.

Благоговейте, персти чада! —

Как! прах земной объять небесное посмеет?
Дерзнет ли разорвать таинственный покров?
Быстрейший самый ум, смутясь, оцепенеет,
И буйный сей мудрец – посмешище богов! —
Мы можем, странствуя в тернистой сей

пустыне,

Сорвать один цветок, ловить летящий миг;

Грядущее не нам – судьбине;

Так предадим его на произвол благих! —

Что время? Быстрый ток, который в долах

мирных,

В брегах, украшенных обильной муравой,

Катит кристалл валов сапфирных;

И по серебру зыбей свет солнца золотой

Играет и скользит; но час – и бурный вскоре,

Забыв свои брега, забыв свой мирный ход,

Теряется в обширном море,

В безбрежной пустоте необозримых вод!

Но час – и вдруг нависших бурь громады

Извергли дождь из черных недр;

Поток возвысился, ревет, расторг преграды,

И роет волны ярый ветер!..

Блажен, стократ блажен, кто может в умиление,

Возревши на Вождя светил,

Текущего почить в Нептуновы владенья,

Кто может, радостный, сказать себе: *я жил!*

Пусть завтра тучею свинцовой

Всесильный бог громов вокруг ризою багровой

Эфир сгущенный облечет,

Иль снова в небесах рассыплет солнца свет, —

Для смертных все равно; и что крылаты годы

С печального лица земли

В хранилище времен с собою увлекли,

Не пременит того и сам Отец природы.

Сей мир – игралище Фортуны злой.

Она кичливый взор на шар земной бросает

И всей вселенной потрясает

По прихоти слепой!..

Неверная, меня сегодня осенила;

Богатства, почести обильно мне лиет,

Открылось! – Не мечта ль? Свет новый!

Нова сила

Мой дух восторженный, как пламень, облекла!

Кто, отроку, мне дал парение орла! —

Се муз бесценный дар! – се вдохновенья крыла!

Несусь, – и дольный мир исчез передо мной, —

Сей мир, туманною и тесной

Волнений и сует обвитый пеленой, —

Исчез! – Как солнца луч золотой,

Коснулся вежд эфир небесный...

И сваял прах земной...

Я зрю превыспренных селения чудесны...

Отсель – отверзшимся таинственным вратам —

Благоволением судьбины

Текут к нам дщери Мнемозины,

Честь, радость и краса народам и векам!..

Безбрежное море лежит под стопами,

И в светлой лазури спокойных валов

С горящими небо пылает звездами,

Как в чистом сердце – лик богов;

Как тихий трепет – ожиданье;

Окрест священное молчанье.

И се! Как луна из-за облак, встает

Урании остров из серебряной пены;

Разлился вокруг немерцающий свет,

Богинь улыбкою рожденный...

Несутся свыше звуки лир;

В очарованьях тонет мир!..

Эфирного тени сложив покрывала

И пояс волшебный всеильных харит,

Здесь образ *Урания* свой восприяла,

И звездный венец на богине горит!

Что нас на земле *мечтою* пленяло,

Как *Истина*, то нам и здесь предстоит!

Токмо здесь под ясным небосклоном

Прояснится жизни мрачный ток;

Токмо здесь, забытый Аквилонном,

Льется он, и светел и глубок!

Токмо здесь прекрасен жизни гений,
Здесь, где вечны розы чистых наслаждений,
Вечно юн Поэзии венки!..

Как Фарос для душ и умов освященных,
Высоко воздвигнут *Небесный* храм; —
И *Мудрость* приветствует горным плененных
Вкусить от трапезы питательной там.
Окредт благодатной в зрях златоцветных,
На тронах высоких, в сиянье богов,
Сидят велелепно спасители смертных,
Создатели блага, устройства, градов;
Се *Мир* вечно-юный, златыми цепями
Связавший семейства, народы, царей;
Суд правый с недвижными вечно весами;
Страх божий, хранитель святых алтарей;
И ты, Благосердие, скорби отрада!
Ты, *Верность*, на якорь склоненна челом,
Любовь ко отчизне – отчизны ограда,
И хладная Доблесть с горящим мечом;
Ты, с светлыми вечно очами, *Терпенье*,
И *Труд*, неуклонный твой врач и клевет...
Так вышние силы свой держат совет!..

Средь них, вкруг них в святом благоговеньи
Свершает по холмам облаковидных гор
 В кругах таинственных теченье
 Наук и знаний светлый хор...
Урания одна, как солнце меж звездами,
Хранит Гармонию и правит их путями:
По манию ее могущего жезла
Из края в край течет благое просвещение;
 Где прежде мрачна ночь была,
 Там светозарна дня явление;
Как звезд река, по небосклону вкруг
Простершись, оно вселенну обнимает
 И блага жизни изливает
На Запад, на Восток, на Север и на Юг...
Откройся предо мной, протекших лет вселенна!
Урания, вещай, где первый был твой храм,
Твой трон и твой народ, учитель всем векам? —
Восток таинственный! – Чреда твоя свершенна!..
Твой ранний день протек! Из ближних Солнце
 врат
Рожденья своего обителью надменно

Исходит и течет, царь томный и сомненный...
Где Вавилоны здесь, где Фивы? – где мой град?
Где славный Персеполь? – где Мемнон, мой
глашатай?

Их нет! – Лучи его теряются в степях,
Где скорбно встретит их ловец или оратай,
Бесплодно роющий во пламенных песках;
Или, стыдливые, скользят они печально
По мшистым ребрам пирамид...
Сокройся, брэнного величья мрачный вид!..

И солнце в путь стремится дальний:
Эгея на берегах приветственной главой
К нему склонился лавр; и на холмах Эллады
Его алтарь обвил зеленый мирт Паллады,
Его во гимнах звал Певец к себе слепой,
Кони и всадники, вожди и колесницы,
Оставивших Олимп собрание богов;
Удары гибельны Ареевой десницы,

И сладки песни пастухов; —
Рим встал, – и Марсов гром и песни
сладкогласны

Стократ на Тибровых раздалися холмах;
И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,
Вознесся и разлил свет вечный на морях!..
Но что сретает взор? – Куда, куда ты скрылась,
Небесная! – Бежит, как бледный в мгле призрак,
Денница света закатилась,
Везде хаос и мрак!

«Нет! вечен свет наук; его не обнимает
Бунтующая мгла; его нетленен плод
И не умрет!..» —

Рекла *Урания* и скиптром помавает,
И бледную, изъязвленную главу
Италия от склеп железных освобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву!..
Всего начало здесь!.. Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! ты, бездна раскаленна,
Природы грозная ужасная краса!
Все возвратили вы, что в ярости несътой
Неистовый Сатурн укрыть от нас хотел!
Эллады, Рима цвет из пепела исшел!
И солнце потекло вновь в путь свой даровитый!..
Феррарскому Орлу ни грозных боев ряд,
Ни чарования, ни прелести томимы,

Ни полчищ тысячи, ни злобствующий ад
Превыспренних путей нигде не воспретят:
На пламенных крылах принес он в храм Солимы

Победу и венец; —

Там нимфы Тага, там валы Гвадалквивира
Во сретенье текут тебе, молодой Певец,
Принесший песни к нам с берегов другого мира; -

Но кто сии два гения стоят?

Как светоносны серафимы,

Хранители Эдемских врат

И тайн жрецы непостижимых? —

Един с Британских вод, другой с Альпийских гор,
Друг другу подают чудотворящи длани;

Земного чуждые, возносят к небу взор

В огне божественных мечтаний!..

Почто горит лицо морских пучин?

Куда восторженны бегут Тамизы воды?

Что в трепете святом вы, Альпы, Апеннин!..

Благоговей, земля! Склоните слух, народы!

Певцы бессмертные вещают бога вам:

Един, как громов сын, гремит средь вас паденье;

Другой, как благодать, благовестит спасенье

И путь, ведущий к небесам.

И се! среди снегов Полунощи глубокой,

Под блеском хладных зарь, под свистом

льdistых вьюг,

Восстал от Холмогор, — как сильный кедр,

высокой,

Встает, возносится и все объемлет вокруг

Своими крепкими ветвями;

Подъемлясь к облакам, глава его блестит

Бессмертными плодами.

И тамо, где металл блистательный сокрыт,

Там роет землю он глубокими корнями, —

Так Русский Пиндар встал! — взнес руку

к небесам,

Да воспретит пылающим громам;

Минервы копием бьет недра он земные —

И истекли сокровища златые;

Он повелительный простер на море взор —

И свет его горит, как Поллюкс и Кастор!..

Певец, на гроб *отца, царя-героя,*

Он лавры свежие склонил,

И дни бесценные блаженства и покоя

Елизаветы озарил!

Тогда, разлившись, свет от северных сияний
Дал отблеск на крутых Аракса берегах;
И гении туда простерли взор и длани,
И Фивы новые зарделися в лучах...

Там, там, в стране денницы,
Возник *Певец Фелицы!*..

Таинственник судеб прорек
Царя-героя в колыбели...

Он с нами днесь! *Он* с неба к нам притек,
Соборы гениев с *ним* царственных слетели;
Престол *его* обстали вокруг;
Над *ним* почиет божий дух!
И музы радостно воспели
Тебя, о царь сердец, на троне Человек!

Твоей всесильною рукою
Закрылись Януса врата!
Ты оградил нас тишиною,
Ты слава наша, красота!

Смиренно к *твоему* склоняся престолу,
Перуны спят горé и долу.

И здесь, где все – от благости *твоей*,
Здесь паки гений просвещенья,
Блистая светом обновленья,
Блажит своих веселье дней! —
Здесь клятвы он дает священны,
Что постоянный, неизменный,
В своей блестящей высоте,
Монарха следуя заветам и примеру,
Взнесется, опершись на Веру,
К своей божественной мете^[40].

Не позднее июня 1820

К оде Пушкина на Вольность

Огнем свободы пламенея
И заглушая звук цепей,
Проснулся в лире дух Алцея —
И рабства пыль слетела с ней.
От лиры искры побежали
И вседробящею струей,
Как пламень божий, ниспадали
На чела бедные царей.

Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!

Воспой и силой сладкогласья
Разнежь, растрогай, преврати
Друзей холодных самовластья
В друзей добра и красоты!
Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Ноябрь 1820

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок все опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников – их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливала душу,
Давала тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о други, не таков.

О раб ученой суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты,
Поверь – сам опыт в том порукой, —
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье – веселей,
Чем наяву – томиться скукой
В убогой хижине твоей!..

13 декабря 1821

На камень жизни роковой
Природою заброшен,
Младенец пылкий и живой
Играл – неосторожен,
Но Муза сирого взяла
Под свой покров надежный,
Поэзии разостлала
Ковер под ним роскошный.
Как скоро Музы под крылом
Его созрели годы —
Поэт, избытком чувств влеком,
Предстал во храм Свободы, —
Но мрачных жертв не приносил,
Служа ее кумиру, —
Он горсть цветов ей посвятил
И пламенную лиру.
Еще другое божество
Он чтит в молодые лета, —
Амур резвился вокруг него
И дани брал с поэта.
Ему на память стрелку дал,
И в сладкие досуги
Он ею повесть начертал
Орфеевой супруги.
И в мире сем, как в царстве снов,
Поэт живет, мечтая, —
Он так достиг земных венцов
И так достигнет рая...
Ум скор и сметлив, верен глаз,
Воображенье – быстро...
А спорил в жизни только раз —
На *диспуте магистра*.

Противникам вина

(Яко и вино веселит сердце человека)

1

О, суд людей неправый,
Что пьянствовать грешно!
Велит рассудок здравый
Любить и пить вино.

2

Проклятие и горе
На спорщиков главу!
Я помощь в важном споре
Святую призову.

3

Наш прадед, обольщенный
Женою и змием,
Плод скушал запрещенный
И прогнан поделом.

4

Ну как не согласиться,
Что дед был виноват:
Чем яблоком прельститься,
Имея виноград?

5

Но честь и слава Ною, —

Он вел себя умно,
Рассорился с водою
И взялся за вино.

6

Ни ссоры, ни упрёку
Не нажил за бокал.
И часто гроздий соку
В него он подливал.

7

Благие покушенья
Сам бог благословил —
И в знак благоволенья
Завет с ним заключил.

8

Вдруг с кубком не слюбился
Один из сыновей.
О, изверг! Ной вступился,
И в ад попал злодей.

9

Так станемте ж запоем
Из набожности пить,
Чтоб в божье вместе с Ноем
Святилище вступить.

Начало 1820-х

Песнь Радости

(Из Шиллера)

Радость, первенец творенья,
Дщерь великого Отца,
Мы, как жертву прославленья,
Предаем тебе сердца!
Все, что делит прихоть света,
Твой алтарь сближает вновь,
И душа, тобой согрета,
Пьет в лучах твоих любовь!

Хор

В круг единый, божьи чада!
Ваш отец глядит на вас!
Свят его призывный глас,
И верна его награда!

Кто небес провидел сладость,
Кто любил на сей земли,
В милом взоре черпал радость, —
Радость нашу раздели.
Все, чье сердце сердцу друга
В братской вторило груди;
Кто ж не мог любить, — из круга
Прочь с слезами отойди!..

Хор

Душ родство! о, луч небесный!
Вседержащее звено!
К небесам ведет оно,
Где витает *Неизвестный!*

У грудей благой природы
Все, что дышит, Радость пьет!
Все созданья, все народы
За собой она влечет;
Нам друзей дала в несчастье —
Гроздий сок, венки харит,
Насекомым — сладострастье,

Ангел – богу предстоит.

Хор

Что, сердца, благовестите?
Иль творец сказался вам?
Здесь лишь тени – солнце там, —
Выше звезд его ищите!..

Душу божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит;
Травку выманила к свету,
В солнцы – хаос развила
И в пространствах – звездочету
Неподвластных – разлила!

Хор

Как миры катятся следом
За вседвижущим перстом,
К нашей цели потечем —
Бодро, как герой к победам!

В ярком истины зеркале
Образ *твой* очам блестит;
В горьком опыта фиале
Твой алмаз на дне горит.
Ты, как облак прохладенья,
Нам предходишь средь трудов,
Светишь утром возрожденья
Сквозь расселины гробов!

Хор

Верьте правящей деснице! —
Наши скорби, слезы, вздох
В ней хранятся как залог
И искупятся сторицей!

Кто постигнет провиденье?
Кто явит стези его?

В сердце сыщем откровенье,
Сердце скажет божество!
Прочь вражда с земного круга!
Породнись душа с душой!
Жертвой мести – купим друга,
Пурпур – вретища ценой.

Хор

Мы врагам своим простили,
В книге жизни нет долгов;
Там, в святилище миров,
Судит бог, как мы судили!..

Радость грозды наливает,
Радость кубки пламенит,
Сердце дикого смягчает,
Грудь отчаянья живит!
В искрах к небу брызжет пена,
Сердце чувствует полней;
Други, братья, – на колена!
Всеблагодару кубок сей!..

Хор

Ты, чья мысль духов родила,
Ты, чей взор миры зажег!
Пьем тебе, великий бог!
Жизнь миров и душ светило!

Слабым – братскую услугу,
Добрым – братскую любовь,
Верность клятв – врагу и другу,
Долгу в дань – всю сердца кровь!
Гражданина голос смелый
На совет к земным богам;
Торжествуй святое дело —
Вечный стыд его врагам.

Хор

Нашу длань к твоей, отец,
Простираем в бесконечность!

Нашим клятвам даруй вечность!
Наши клятвы – гимн сердец!

Февраль 1823

O lacrimarum fons...

Gray^[47]

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпур искрометных вин,
Или плодов между листьями
Благоухающий рубин.

Люблю смотреть, когда созданье
Как бы погружено в весне,
И мир заснул в благоуханье
И улыбается во сне!..

Люблю, когда лицо прекрасной
Весенний воздух пламенит,
То кудрей шелк взвевает сладострастный,
То в ямочки впивается ланит!

Но что все прелести пафосския царицы,
И гроздий сок, и запах роз
Перед тобой, святой источник слез,
Роса божественной денницы!..

Небесный луч играет в них
И, преломясь о капли огневые,
Рисует радуги живые
На тучах жизни громовых.

И только смертного зениц
Ты, ангел слез, дотронешься крылами —
Туман рассеется слезами,
И небо серафимских лиц
Вдруг разовьется пред очами.

21 июля 1823

при посылке «Песни Радости» – из Шиллера

Что пел божественный, друзья,
В порыве пламенном свободы
И в полном чувстве Бытия,
Когда на пиршество Природы
Певец, любимый сын ея,
Сзывал в единый круг народы;
И с восхищенною душой,
Во взорах – луч животворящий,
Из чаши Гения кипящей
Он пил за здравие людей.

И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке,
В неразделяемой тоске, —
Мне ль Радость петь на лире онемелой?
Веселье в ней не сыщется звука,
Его игривая струна
Слезами скорби смочена, —
И порвала ее Разлука!
Но вам, друзья, знакомо вдохновенье!
На краткий миг в сердечном упоенье
Я жребий свой невольно забывал
(Минутное, но сладкое забвенье!), —
К протекшему душою улетаю,
И Радость пел – пока о вас мечтал.

(Из Гейне)

Друг, откройся предо мною —
Ты не призрак ли какой,
Как выводит их порою
Мозг поэта огневой!..

Нет, не верю: этих щечек,
Этих глазок милый свет,
Этот ангельский роточек —
Не создаст сего поэт.

Василиски и вампиры,
Конь крылат и змий зубаст —
Вот мечты его кумиры, —
Их творить поэт горазд.

Но тебя, твой стан эфирный,
Сих ланит волшебный цвет,
Этот взор лукаво-смирный —
Не создаст сего поэт.

Не ранее апреля 1823

Ниса, Ниса, бог с тобою!
Ты презрела дружный глас,
Ты поклонников толпою
Оградилася от нас.

Равнодушно и беспечно,
Легковерное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шутя.

Нашу верность променяла
На неверный блеск, пустой, —
Наших чувств тебе, знать, мало, —
Ниса, Ниса, бог с тобой!

Не позднее осени 1825

<Из Гердера>

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
 Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!
Вставайте, о други!
 Бодрей, бодрей
 На пир мечей,
 На брань!..

Пред нами наш вождь!
Мужайтесь, о други,
И вслед за могучим
Ударим грозой!..

 Вихрем помчимся
 Сквозь тучи и гром
 К солнцу победы
 Вслед за орлом!..

Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит – перун вседробящий —
И след огнезвездный и кровью горящий
Пророет дружине в железной ночи.
За ним, за ним – в ряды врагов,
 Смелей, друзья, за ним!..
Как груды скал, как море льдов —
 Прорвем их и стесним!..

Хладен, светел,
День проснулся —
Ранний петел
Встрепенулся, —
Дружина, воспрянь!..»

Не кубок кипящий душистого меда
Румяное утро героям вручит;
Не сладостных жен любовь и беседа
Вам душу согреет и жизнь оживит;

Но вас, обновленных прохладою сна, —
Кровавые битвы подымет волна!..

Дружина, воспрянь!..
Смерть иль победа!..
На брань!..

Не позднее осени 1825

(Из Гете)

Что юный год дает цветам —
Их девственный румянец;
Что зрелый год дает плодам —
Их царственный багрянец;
Что нежит взор и веселит,
Как перл, в морях цветущий;
Что греет душу и живит,
Как нектар всемогущий:
Весь цвет сокровищниц мечты,
Весь полный цвет творенья,
И, словом, небо красоты
В лучах воображенья, —
Все, все Поэзия слила
В тебе одной — *Саконтала*.

Не позднее середины 1826

Вас развратило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железнаядохнула —
И не осталось и следов.

Вторая половина 1826

(Из Гейне)

Как порою светлый месяц
Выплывает из-за туч, —
Так, один, в ночи бывшего
Светит мне отрадный луч.

Все на палубе сидели,
Вдоль по Рейну неслись,
Зеленеющие бреги
Перед нами раздались.

И у ног прелестной дамы
Я в раздумии сидел,
И на милом, бледном лице
Тихий вечер пламенел.

Дети пели, в бубны били,
Шуму не было конца,
И лазурней стало небо,
И просторнее сердца.

Сновиденьем пролетали
Горы, замки на горах —
И светились, отражаясь,
В милых спутницы очах.

1827–1829

(Из Гейне)

Закралась в сердце грусть, – и смутно
Я вспомянул о старине:
Тогда все было так уютно
И люди жили как во сне.

А нынче мир весь как распался:
Все кверху дном, все сбились с ног, —
Господь-бог на небе скончался,
И в аде сатана издох.

Живут как нехотя на свете,
Везде брюзга, везде раскол, —
Не будь крохи любви в предмете,
Давно б из мира вон ушел.

Не ранее мая 1826

(Из Гейне)

Надежда и любовь – все, все погибло!..
И сам я, бледный, обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!..
Передо мной – пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!..
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..

Волна шумит, морская птица стонет!

Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья
Мучительно-отрадны встают!

Живет на севере жена!

Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица,
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око
Как черное сияет солнце!..

О черно-пламенное солнце,

О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млел, и трепетал, —
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...

И дух во мне, оживши, воскрылялся
И к солнцу, как орел, парил!..

Молчите, птицы, не шумите, волны,
Все, все погибло – счастье и надежда,
Надежда и любовь!.. Я здесь один, —
На дикий брег заброшенный грозю,
Лежу простерт – и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!..

Не ранее апреля 1827

<Из «Вильгельма Мейстера» Гете>

I

Кто с хлебом слез своих не ел,
Кто в жизни целыми ночами
На ложе, плача, не сидел,
Тот незнаком с небесными властями.

Они нас в бытие манят —
Заводят слабость в преступленья,
И после муками казнят:
Нет на земли проступка без отмщенья!

II

Кто хочет миру чуждым быть,
Тот скоро будет чужд, —
Ах, людям есть кого любить,
Что им до наших нужд!

Так! что вам до меня?
Что вам беда моя?
Она лишь про меня, —
С ней не расстанусь я!

Как крадется к милой любовник тайком:
«Откликнись, друг милый, одна ль?»
Так бродит ночью и днем

Кругом меня тоска,
Кругом меня печаль!..
Ах, разве лишь в гробу
От них укрыться мне —
В гробу, в земле сырой —
Там бросят и оне!

(Из Гетева «Западно-Восточного дивана»)

Запад, Норд и Юг в крушенье,
Троны, царства в разрушенье, —
На Восток укройся дальный,
Воздух пить патриархальный!..
В играх, песнях, пированье
Обнови существованье!..

Там проникну, в сокровенных,
До истоков потаенных
Первородных поколений,
Гласу божиих велений
Непосредственно внимавших
И ума не надрывавших,

Память праотцев святивших,
Иноземию претивших,
Где во всем хранилась мера,
Мысль – тесна, пространна вера,
Слово – в силе и почтенье,
Как живое откровенье!..

То у пастырей под кущей,
То в оазисе цветущей
С караваном отдохну я,
Ароматами торгуя:
Из пустыни в поселенья
Ислежу все направленья.

Песни Гафица святые
Усладят стези крутые:
Их вожатый голосистый,
Распевая в тверди чистой,
В позднем небе звезды будит
И шаги верблюдов нудит.

То упьюся в банях ленью,
Верен Гафица ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, —
И поэта сладкопевность

В девах райских будит ревность!..

И сие высокомерье
Не вменяйте в суеверье;
Знайте: все слова поэта
Легким роем, жадным света,
У дверей стучатся рая,
Дар бессмертья вымоляя!..

Не ранее 1827

Духов, гласят, неистовое пенье
Внимающих безумьем поражало, —
Так и его, как неземная сила,
Все пропасти душевные взрывало,
На самом дне будило преступленье,
Дыханье замирало, сердце ныло,
 И нечто грудь теснило,
Как бы кругом воздушный слой, редя,
Земную кровь сосал из нашей жилы,
И нам, в борьбе, недоставало силы
Стряхнуть с себя господство чародея,
Пока он сам, как бы для посмеянья,
Своим жезлом не рушил обаянья!

4

И мудрено ль, что память о высоком
Невольной грустью душу осенила!..
Не лебедем ты создан был судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
 Между двойной зарею, —
Ты был орел – и со скалы родимой,
Где свил гнездо – и в нем, как в колыбели,
Тебя качали бури и метели,
Во глубь небес нырял, неутомимый,
Над морем и землей парил высоко,
Но трупов лишь твоё искало око!..

5

Злосчастный дух! Как в зареве пожара
Твое кроваво-тусклое зеркало,
Блестящее в роскошном, свежем цвете,
И мир и жизнь так дико отражало!..
С печатью на челе святого дара
И скиптром власти в неземном совете
 Любил ты в мутном свете
Земную жизнь виденьями тревожить!..
В тебе самом, как бы в иносказанье,

Для нас воскресло грозное преданье, —
Но распознать наш взор тебя не может —
Титан ли ты, чье сердце снедью врана,
Иль сам ты вран, терзающий титана!..

6

Своих отцов покинул он обитель,
Где тени их скитаются безмолвны,
Где милые остались залого, —
И как весь день метет крылами волны
Морская птица, скал пустынных житель, —
Так и ему по жизненной дороге
 Пройти судили боги,
Нигде не встретив мирной, светлой
кущи! —
И тщетно он, в борьбе с людьми, с собою,
Рвался схватить земное счастье с бою.
Над ним был Рок, враждебный, всемогущий!
Всходил за ним на снежные вершины,
Спускался в дол, переплывал пучины!..

7

То мчится бард, беглец родного края,
Навстречу солнца, по стихии бурной,
Где Лиссабон, на жарком небе рдея,
Златым венцом объял залив лазурный, —
Там, где земля горит, благоухая,
И где плоды, на пыльных ветвях зрея,
 Душистей и свежее, —
Тебя потом он огласил приветом,
Страна любви, геройства, приключений,
Где и поднесь их сладкопевный гений
Как бы волшебным обвеваает светом
Узорчатой Альгамбры колоннады
Иль рощи благовонные Гренады!

8

Небесный дух сей край чудес обходит,
Высокий лавр и темный мирт колышет,
Под сводами чертогов светлых дышит,
С цветущих персей запах роз уводит
И шевелит прозрачной пеленою
Над дремлющей в руинах стариною!..

11

Но на Восток цветущий и пустынный
Влекло певца всеильное пристрастье,
В любимый край его воображенья!..
Сей мир насильства, лени, сладострастья
Он зрел еще перед его кончиной —
Где обнялись в роскошном запустенье
 И жизнь и разрушенье,
И дружески цвели в вечернем свете
Вершины гор, где жил разбой веселый,
Там, за скалой, пирата парус белый,
Здесь рог луны, горящий на мечети,
И чистые остатки Парфенона
На девственном румянце небосклона.

12

Но ты расторг союз сего творенья,
Дух вольности, бессмертная стихия!
И бой вспылал Отчаяния с Силой!..
Кровь полилась, как воды ключевые,
В ночи земля пила их без зазренья,
Лишь зарево, как светоч над могилой,
 Горé над ней светило, —
И скоро ли – то провиденье знает —
Взойдет заря и бурный мрак развеет!..
Но юный день с любовью да светлеет
На месте том, где дух певца витает,
Где в сумраке болезненной надежды
Сомкнула смерть его земные вежды!..

Певец угас пред жертвенником брани!..
 Но песнь его нигде не умолкала, —
 Хоть из груди, истерзанной страстями,
 Она нередко кровью вытекала,
 Волшебный жезл не выпадал из длани,
 Но двигал он лишь адскими властями!..

В распре с небесами
 Высокая божественность мученья
 Была ему загадкою враждебной —
 И, упиваясь чашею врачебной,
 Отравы жаждал он, не исцеленья, —
 Вперенные в подземный ужас очи
 Он отвращал от звездной славы ночи!..

Таков он был, могучий, величавый,
 Восторженный хулителю мирозданья!..
 Но зависти ль удел его достоин?..
 Родительским добром существованья
 Он приобрел даруемое славой!
 Но был ли он сим демоном присвоен,
 Иль счастлив, иль спокоен?
 Сиянье звезд, денницы луч веселый
 Души его, где вихри бушевали,
 Лишь изредка угрюмость провевали.
 Он стихнул днесь, вулкан перегорелый.
 И позднее бессмертия светило
 С ночных небес глядит в него уныло...

Стяжать венок от вас не мечу,
Но ваши похвалы люблю,
Коль на пути своем их встречу.

Балласт хотя не назначает,
Куда и как плыть кораблю,
Но ход его он облегчает.

Не позднее первой половины 1829

<Из Мандзони>

Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье,
И замыслов событие
Несбыточных, как сон, —

Все испытал он! – счастье,
Победу, заточенье,
И все судьбы пристрастие,
И все ожесточенье! —
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..

Явился: два столетия
В борении жестоком,
Его узрев, смирились вдруг,
Как пред всеильным роком.
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!

Исчез – и в ссылке довершил
Свой век невероятный —
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистовой,
Преданности слепой!..

Как над главою тонущих
Растет громадой пенной
Сперва игравший ими вал —
И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока, —

Так память над душой его,
Скопившись, тяготела!..
Как часто высказать себя
Душа сия хотела,
И, обомлев, на лист начатый

Вдруг падала рука!

Как часто пред кончиной дня —
Дня безотрадной муки, —
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он – и минувшее
Овладевало им!..

Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев —
Железный мир и дышащий
Велением одним!..

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал... Но сильная
К нему рука спустилась —
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

Конец 1820-х

<Из «Федры» Расина>

Едва мы вышли из Трезенских врат,
Он сел на колесницу, окруженный
Своею, как он сам, безмолвной стражей.
Микенскою дорогой ехал он,
Отдав коням в раздумии бразды.
Сии живые, пламенные кони,
Столь гордые в обычном их пылу,
Днесь, с головой поникшей, мрачны, тихи,
Казалось, согласовались с ним.
Вдруг из морских пучин исшедший крик
Смутил вокруг воздушное молчанье,
И в ту ж минуту страшный некий голос
Из-под земли ответствует стенаньем.
В груди у всех оледенела кровь,
И дыбом стала чутких тварей грива.
Но вот, белея над равниной влажной,
Подъялся вал, как снежная гора, —
Возрос, приблизился, о брег расшибся
И выкинул чудовищного зверя.
Чело его ополчено рогами,
Хребет покрыт желтистой чешуей.
Ужасный вол, неистовый дракон,
В бесчисленных изгибах вышел он.
Брег, зыблясь, стонет от его рыканья;
День, негодую, светит на него;
Земля подвиглась; вал, его извергший,
Как бы объятый страхом, хлынул вспять.
Все скрылося, ища спасенья в бегстве, —
Лишь Ипполит, героя истый сын,
Лишь Ипполит, боязни недоступный,
Остановил коней, схватил копье,
И, меткою направив сталь рукою,
Глубокой язвой зверя поразил.
Взревело чудо, боль копья почуя,
Беснуясь, пало под ноги коням
И, роя землю, из кровавой пасти
Их обдало и смрадом и огнем!
Страх обуял коней – они помчались,
Не слушаясь ни гласа, ни вожжей, —
Напрасно с ними борется возница,

Они летят, багря удила пеной:
Бог некий, говорят, своим трезубцем
Их подстрекал в дымящиеся бедра...
Летят по камням, дебрям... ось трещит
И лопнула... Бесстрашный Ипполит
С изломанной, разбитой колесницы
На землю пал, опутанный вожжами, —
Прости слезам моим!.. сей вид плачевный
Бессмертных слез причиной будет мне!
Я зрел, увы! как сына твоего
Влекли, в крови, им вскормленные кони!
Он кличет их... но их пугает клик —
Бегут, летят с истерзанным возницей.
За ним вослед стремлюся я со стражей, —
Кровь свежая стезю нам указывает.
На камнях кровь... на терниях колючих
Клоки волос кровавые повисли...
Наш дикий вопль равнину оглашает!
Но наконец неистовых коней
Смирился пыл... они остановились
Вблизи тех мест, где прадедов твоих
Прах царственный в гробах почиет древних!..
Я прибежал, зову... с усиьем тяжким
Он, вежды приподняв, мне подал руку:
«Всевышних власть мой век во цвете губит.
Друг, не оставь Ариции моей!
Когда ж настанет день, что мой родитель,
Рассеяв мрак ужасной клеветы,
В невинности сыновней убедится,
О, в утешенье сетующей тени,
Да облегчит он узнице своей
Удел ее!.. Да возвратит он ей...»
При сих словах героя жизнь угасла,
И на руках моих, его державших,
Остался труп, свирепо искаженный,
Как знаменье богов ужасной кары,
Не распознаемый и для отцовских глаз!

Конец 1820-х

«Прекрасный будет день...»

<Из «Путевых картин» Гейне>

«Прекрасный будет день», – сказал
товарищ,
Взглянув на небо из окна повозки. —
Так, день прекрасный будет, – повторило
За ним мое молящееся сердце
И вздрогнуло от грусти и блаженства!..
Прекрасный будет день! Свободы солнце
Живей и жарче будет греть, чем ныне
Аристокрация светил ночных!
И расцветет счастливейшее племя,
Зачатое в объятьях произвольных,
Не на одре железном принужденья,
Под строгим, под таможенным надзором
Духовных приставов, – и в сих душах
Вольнорожденных вспыхнет смело
Чистейший огонь идей и чувствований —
Для нас, рабов природных, непостижный!

Ах, и для них равно непостижима
Та будет ночь, в которой их отцы
Всю жизнь насквозь томились безотрадно
И бой вели отчаянный, жестокий,
Противу гнусных сов и ларв подземных,
Чудовищных Ерева порождений!..
Злосчастные бойцы, все силы духа,
Всю сердца кровь в бою мы истожили —
И бледных, преждевременно одряхших
Нас озарит победы поздний день!..
Младого солнца свежее бессмертье
Не оживит сердец изнеможенных,
Ланит потухших снова не зажжет!
Мы скроемся пред ним, как бледный месяц!

Так думал я и вышел из повозки
И с утренней усердною молитвой
Ступил на прах, бессмертьем освященный!..

Как под высоким триумфальным сводом
Громадных облаков всходило солнце,
Победоносно, смело и светло,

Прекрасный день природе возвещая.
Но мне при виде сем так грустно было,
Как месяцу, еще заметной тенью
Бледневшему на небе. – Бедный месяц!
В глухую полночь, одиноко, сиро,
Он совершил свой горемычный путь,
Когда весь мир дремал – и пировали
Одни лишь совы, призраки, разбой;
И днесь пред юным днем, грядущим в славе,
С звучащими веселием лучами
И пурпурной разлитой зарей,
Он прочь бежит... еще одно воззренье
На пышное всемирное светило —
И легким паром с неба улетит.

Не знаю я и не ищу предвидеть,
Что мне готовит Муза! Лавр поэта
Почтит иль нет мой памятник надгробный?
Поэзия душе моей была
Младенчески-божественной игрушкой —
И суд чужой меня тревожил мало.
Но меч, друзья, на гроб мой положите!
Я воин был! я ратник был свободы,
И верою и правдой ей служил
Всю жизнь мою в ее священной брани!

1829–1830

«Звучит, как древле, пред тобою...»

<Из «Фауста» Гете>

I

Звучит, как древле, пред тобою
Светило дня в строю планет
И предначертанной стезею,
Гремя, свершает свой полет!
Ему дивятся серафимы,
Но кто досель его постиг?
Как в первый день, непостижимы
Дела, всевышний, рук твоих!

И быстро, с быстротой чудесной,
Кругом вратится шар земной,
Меня тихий свет небесный
С глубокой ночи темнотой.
Морская хлябь гремит валами
И роет каменный свой берег,
И бездну вод с ее скалами
Земли уносит быстрый бег!

И непрерывно бури воют,
И землю с края в край метут,
И зыбь гнетут, и воздух роют,
И цепь таинственную вьют.
Вспылал предтеча-истребитель,
Сорвавшись с тучи, грянул гром,
Но мы во свете, вседержитель,
Твой хвалим день и мир поем.
Тебе дивятся серафимы!
Тебе гремит небес хвала!
Как в первый день, непостижимы,
Господь! руки твоей дела!

II

«Кто звал меня?» —
«О страшный вид!» —

«Ты сильным и упрямым чаром
Мой круг волшебный грыз не даром —
И днесь...» —

«Твой взор меня
мертвит!» —

«Не ты ль молил, как исступленный,
Да узришь лик и глас услышишь мой?
Склонился я на клич упорный твой,
И се предстал! Какой же страх презренный
Вдруг овладел, титан, твоей душой?..
Та ль эта грудь, чья творческая сила
Мир целый создала, взлелеяла, взрастила
И, в упоении отваги неземной,
С неутомимым напряженьем
До нас, духов, возвыситься рвалась?
Ты ль это, Фауст? И твой ли был то глас,
Теснившийся ко мне с отчаянным моленьем?
Ты, Фауст? Сей бедный, беспомощный прах,
Проникнутый насквозь моим дхновеньем,
Во всех души своей дрожащий глубинах?..» —

«Не удручай сим пламенным презреньем
Главы моей! Не склонишь ты ея!
Так, Фауст я, дух, как ты! твой равный я!..» —

«Событий бурю и вал судеб
Вращаю я,
Воздвигаю я,

Вею здесь, вею там, и высок и глубок!
Смерть и Рождение, Воля и Рок,
Волны в боренье,
Стихии во пренье,
Жизнь в измененье —
Вечный, единый поток!..

Так шумит на стану моем ткань роковая,
И богу прядется риза живая!» —

«Каким сродством неодолимым,
Бессмертный дух! влечешь меня к себе!» —

«Лишь естеством, тобою постижимым,
Подобен ты – не мне!..»

III

Чего вы от меня хотите,
Чего в пыли вы ищите моей,

Святые гласы, там звучите,
Там, где сердца и чище и нежней.
Я слышу весть – но веры нет для ней!
О вера, вера, мать чудес родная,
Дерзну ли взор туда поднять,
Откуда весть летит благая!
Ах, но к нему с младенчества привычный,
Сей звук родимый, звук владычный, —
Он к бытию манит меня опять!
Небес, бывало, лобызанье
Срывалось на меня в воскресной тишине,
Святых колоколов я слышал содроганье
В моей душевной глубине,
И сладостью живой была молитва мне!
Порыв души в союзе с небесами
Меня в леса и доли уводил —
И, обливаясь теплыми слезами,
Я новый мир себе творил.
Про игры юности веселой,
Про светлую весну благовестил сей глас —
Ах, и в торжественный сей час
Воспоминанье их мне душу одолело!
Звучите ж, гласы, вторься, гимн святой!
Слеза бежит! Земля, я снова твой!

IV

Зачем губить в унынии пустом
Сего часа благое достоянье?
Смотри, как хижины с их зеленью кругом
Осыпало вечернее сиянье.
День пережит, – и к небесам иным
Светило дня несет животворенье.
О, где крыло, чтоб взвиться вслед за ним,
Прильнуть к его лучам, следить его течение?
У ног моих лежит прекрасный мир
И, вечно вечереющий, смеется...
Все выси в зареве, во всех долинах мир,
Сребристый ключ в золотые реки льется.
Над цепью диких гор, лесистых стран
Полет богоподобный веет,
И уж вдали открылся и светлеет
С заливами своими океан.

Но светлый бог главу в пучины клонит,
И вдруг крыла таинственная мощь
Вновь ожила и вслед за уходящим гонит,
И вновь душа в потоках света тонет.
Передо мною день, за мною ночь.
В ногах равнина вод, и небо над главою.
Прелестный сон!.. и суетный!.. прости!..
К крылам души, парящим над землею,
Не скоро нам телесные найти.
Но сей порыв, сие и в выспь и вдаль
стремленье,
Оно природное внушенье,
У всех людей оно в груди...
И оживает в нас порою,
Когда весной, над нашей головою,
Из облаков песнь жавронка звенит,
Когда над крутизной лесистой
Орел, ширясь, парит,
Поверх озер иль степи чистой
Журавль на родину спешит.

V

Державный дух! ты дал мне, дал мне все,
О чем молил я! Не вотще ко мне
Склонил в лучах сияющий свой лик!
Дал всю природу во владенье мне
И вразумил ее любить. Ты дал мне
Не гостем праздно-изумленным быть
На пиршестве у ней, но допустил
Во глубину груди ее проникнуть,
Как в сердце друга! Земнородных строй
Провел передо мной и научил —
В дуброве ль, в воздухе иль в лоне вод —
В них братьев познавать и их любить!
Когда ж в бору скрипит и свищет буря,
Ель-великан дерев соседних с треском
Крушит в паденье ветви, глухо гул
Встает окрест и, зыблясь, стонет холм,
Ты в мирную ведешь меня пещеру,
И самого меня являешь ты
Очам души моей – и мир ее,
Чудесный мир, разоблачаешь мне!

Подыметя ль, всеулажда, месац
В сиянне кротком, и ко мне летят
С утеса гор, с увлаженного бора,
Сребристые веков минувших тени
И строгую утеху созерцанья
Таинственным влияньем умиляют!

1829–1830

(Из Гете)

«Что там за звуки пред крыльцом,
За гласы пред вратами?..
В высоком тереме моем
Раздайся песнь пред нами!..»
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впустите старца!..»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесть!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся взор – не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо —
У смелых взор смелей горит,
У жен – поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой
Почтить певца седого!..

«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты рыцарям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..

На божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою —
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной,
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом сам бог благословил,
Где это – скудным даром!..
Свою вам милость он пошлИ
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»

1830

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного – ослабеем,
Убавим шаг – отстает.

Не позднее 1830

(Из Гете)

Вы мне жалки, звезды-горемыки!
Так прекрасны, так светло горите,
Мореходцу светите охотно,
Без возмездья от богов и смертных!
Вы не знаете любви – и ввек не знали!
Неудержно вас уводят Оры
Сквозь ночную беспредельность неба.
О! какой вы путь уже свершили
С той поры, как я в объятьях милой
Вас и полночь сладко забываю!

Конец 1820-х – начало 1830-х

* * *

(Из Шекспира)

I

Любовники, безумцы и поэты
Из одного воображенья слиты!..
Тот зрит бесов, каких и в аде нет
(Безумец, то есть); сей равно безумный,
Любовник страстный, видит, очарован,
Елены красоту в цыганке смуглой.
Поэта око, в светлом исступленьи,
Круговращаясь, блещет и скользит
На землю с неба, на небо с земли —
И, лишь создаст воображеньи виды
Существ неведомых, поэта жезл
Их претворяет в лица и дает
Теням воздушным местность и
название!..

II

Заревел голодный лев,
И на месяц волк завыл;
День с трудом преодолев,
Бедный пахарь опочил.

Угли гаснут на костре,
Дико филин прокричал
И больному на одре
Скорый саван провещал.

Все кладбища, сей порой,
Из зияющих гробов,
В сумрак месяца сырой
Высылают мертвецов!..

Конец 1820-х – начало 1830-х

Уста с улыбкою приветной,
Румянец девственных ланит
И взор твой светлый, искрометный —
Все к наслаждению манит...
Ах! этот взор, пылая страстью,
Любовь на легких крыльях шлет
И некою волшебной властью
Сердца в чудесный плен влечет.

1830–1833

«Как дочь родную на закланье...»

Как дочь родную на закланье
Агамемнон богам принес,
Проя попутных бурь дыханья
У негодующих небес, —
Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да купим сей ценой кровавой
России целость и покой!

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ —
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Ты ж, братскою стрелой пронзенный,
Судеб свершая приговор,
Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,

И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем.

Сентябрь 1831

«Все бешеной буря, все злее и злей...»

«Все бешеной буря, все злее и злей,
Ты крепче прижмися к груди моей». —
«О милый, милый, небес не гневи,
Ах, время ли думать о грешной любви!» —
«Мне сладок сей бури порывистый глас,
На ложе любви он баюкает нас». —
«О, вспомни про море, про бедных пловцов,
Господь милосердый, будь бедным покров!» —
«Пусть там, на раздолье, гуляет волна,
В сей мирный приют не ворвется она». —
«О милый, умолкни, о милый, молчи,
Ты знаешь, кто на море в этой ночи?!»
И голос стнящий дрожал на устах,
И оба, недвижны, молчали впотьмах.
Гроза приутихла, ветер затих,
Лишь маятник слышен часов стенных, —
Но оба, недвижны, молчали впотьмах,
Над ними лежал таинственный страх...
Вдруг с треском ужасным рассыпался гром,
И дрогнул в основах потрясшийся дом.
Вопль детский раздался, отчаян и дик,
И кинулась мать на младенческий крик.
Но в детский покой лишь вбежала она,
Вдруг грянулась об пол, всех чувств лишена.
Под молнийным блеском, раздвинувшим мглу,
Тень мужа над люлькой сидела в углу.

1831–1836

«В которую из двух влюбиться...»

(Из Гейне)

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь и мать прекрасна,
Различно милы, но равно.

Неопытно-младые члены
Как сладко ум тревожат мой! —
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.

В раздумье, хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глаза:
Который лакомей из двух?..

Не ранее 1834

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья – русское Знамя
К бессмертной победе тебя провело.
Так диво ль, что в память союза святого
За Знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?

1842

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй.

1848

Москва и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.

1848–1849

Не гул молвы прошел в народе,
Весть родилась не в нашем роде —
То древний глас, то свыше глас:
«Четвертый век уж на исходе, —
Свершится он – и грянет час!»

И своды древние Софии,
В возобновленной Византии,
Вновь осенят Христов алтарь.
Пади пред ним, о царь России, —
И встань как всеславянский царь!

1-е марта 1850

«Нет, карлик мой! трус беспримерный!...»

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловой
Не соблазнишь святую Русь...

Иль, все святые упованья,
Все убежденья потребя,
Она от своего призванья
Вдруг отречется для тебя?..

Иль так ты дорог провиденью,
Так дружен с ним, так заодно,
Что, дорожа твоею ленью,
Вдруг остановится оно?..

Не верь в святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой, —
И бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

То, что обещано судьбами
Уж в колыбели было ей,
Что ей завещано веками
И верой всех ее царей, —

То, что Олеговы дружины
Ходили добывать мечом,
То, что орел Екатерины
Уж прикрывал своим крылом, —

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России —
Нет! вам ее не запрудить!..

Май 1850

Тогда лишь в полном торжестве
В славянской мировой громаде
Строй вожденный водворится,
Как с Русью Польша помирится, —
А помятся ж эти две
Не в Петербурге, не в Москве,
А в Киеве и в Цареграде...

1850

(в ответ на ее письмо)

Как под сугробом снежным лени,
Как околдованный зимой,
Каким-то сном усопшей тени
Я спал, зарытый, но живой!

И вот, я чую, надо мною,
Не наяву и не во сне,
Как бы повеяло весною,
Как бы запело о весне...

Знакомый голос... голос чудный...
То лирный звук, то женский вздох...
Но я, ленивец беспробудный,
Я вдруг откликнуться не мог...

Я спал в оковах тяжкой лени,
Под осьмимесячной зимой,
Как дремлют праведные тени
Во мгле стигийской роковой.

Но этот сон полумогильный,
Как надо мной ни тяготел,
Он сам же, чародей всеильный,
Ко мне на помощь подоспел.

Приязни давней выраженья
Их для меня он уловил —
И в музыкальные виденья
Знакомый голос воплотил...

Вот вижу я, как бы сквозь дымки,
Волшебный сад, волшебный дом —
И в замке феи-Нелюдимки
Вдруг очутились мы вдвоем!..

Вдвоем! — и песнь ее звучала,
И от заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.

(Из Шиллера)

Пала царственная Троя,
Сокрушен Приамов град,
И ахеяне, устроя
Свой на родину возврат,
На судах своих сидели,
Вдоль эгейских берегов,
И пэан хвалебный пели,
Громко славя всех богов...

Раздавайся, глас победный!
Вы к брегам родной земли
Окрыляйтесь, корабли,
В путь возвратный, в путь
безбедный!

И сидела в длинном строе
Грустно-бледная семья:
Жены, девы падшей Трои,
Голося и слезы лья,
В горе общем и великом
Плача о себе самих,
И с победным, буйным кликом
Дико вопль сливался их...

«Ждет нас горькая неволя
Там, вдали, в стране чужой.
Ты прости, наш край родной!
Как завидна мертвых доля!»

И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертв, Калхас,
Градозиждущей Палладе,
Градорушащей молясь,
Посейдона силе грозной,
Опоясавшего мир,
И тебе, эгидоносный
Зевс, сгущающий эфир!
Опрокинут, уничтожен
Град великий Илион!
Долгий, долгий спор решен, —
Суд бессмертных непреложен.

Грозных полчищ воевода,
Царь царей, Атреев сын,
Обозрел толпы народа,
Уцелевший строй дружин.
И внезапною тоскою
Омрачился царский взгляд:
Много их пришло под Трою,
Мало их пойдет назад.

Так возвысьте ж глас хвалебный!
Пой и радуйся стократ,
У кого златой возврат
Не похитил рок враждебный!

Но не всем сужден от бога
Мирный, радостный возврат:
У домашнего порога
Многих Керы сторожат...
Жив и цел вернулся с бою —
Гибнет в храмине своей!.. —
Рек, Афиной всеблагою
Вдохновенный Одиссей...

Тот лишь дом и тверд и прочен,
Где семейный свят устав:
Легковерен женский нрав,
И изменчив, и порочен.

И супругой, взятой с бою,
Снова счастливый Атрид,
Пышный стан обвив рукою,
Страстный взор свой веселит.
Злое злой конец приемлет!
За нечестьем казнь следит —
В небе суд богов не дремлет!
Право царствует Кронид...

Злой конец начало злomu!
Правопавящий Кронид
Вероломцу страшно мстит —
И семье его и дому.

Хорошо любимцам счастья, —
Рек Аякса брат меньшей, —
Олимпийцев самовластье
Величать своей хвалою!..
Неподвластно высшей силе
Счастье в прихотях своих:

Друг Патрокл давно в могиле,
А Терсит еще в живых!..

Счастье жеребья сеет
Своевольною рукой.
Веселись и песни пой
Тот, кого светило греет!

Будь утешен, брат любимый!
Память вечная тебе!..
Ты – оплот несокрушимый
Чад ахейских в их борьбе!..
В день ужасный, в день кровавый
Ты один за всех стоял!
Но не сильный, а лукавый
Мзду великую стяжал...

Не врага рукой победной —
От руки ты пал своей...
Ах, и лучших из людей
Часто губит гнев зловредный!

И твоей теперь державной
Тени, доблестный Пелид,
Сын твой, Пирр, воитель славный,
Возлияние творит...
«Как тебя, о мой родитель,
Никого, – он возгласил, —
Зевс, великий промыслитель,
На земле не возносил!»

На земле, где все изменно,
Выше славы блага нет.
Нашу персть – земля возьмет,
Имя славное – нетленно.

Хоть о падших, побежденных
И молчит победный клик,
Но и в родах отдаленных,
Гектор, будешь ты велик!..
Вечной памяти достоин, —
Сын Тидеев провещал, —
Кто как честный, храбрый воин,
Край отцов спасая, пал...

Честь тому, кто, не робея,
Жизнь за братий положил!
Победитель – победил,
Слава падшего святее!

Старец Нестор днесь, маститый
Брашник, кубок взяв, встает
И сосуд, плющом обвитый,
Он Гекубе подает:
«Выпей, мать, струи целебной
И забудь весь свой урон!
Силен Вакха сок волшебный,
Дивно нас врачует он...»
Мать, вкуси струи целебной
И забудь судеб закон.
Дивно нас врачует он,
Бога Вакха дар волшебный.

И Ниобы древней сила
Горем злым удручена,
Соку дивного вкусила —
И утешилась она.
Лишь сверкнет в застольной чаше
Благодатное вино,
В Лету рухнет горе наше
И пойдет, как ключ, на дно.
Да, пока играет в чаше
Всемогущее вино,
Горе в Лету снесено,
В Лете тонет горе наше!

И воздвиглась на прощанье
Провозвестница жена,
И исполнилась вещанья
Вдохновенного она;
И пожарище родное
Обозрев в последний раз:
«Дым и пар – здесь все земное,
Вечность, боги, лишь у вас!
Как уходят клубы дыма,
Так уходят наши дни!
Боги, вечны вы одни, —
Все земное идет мимо!»

Kennst du das Land?.. [\[511\]](#)

(Из Гете)

Ты знаешь край, где мирт и лавр растет,
Глубок и чист лазурный неба свод,
Цветет лимон, и апельсин златой
Как жар горит под зеленью густой?..
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Хотела б я укрыться, милый мой.

Ты знаешь высь с стезей по крутизнам?
Лошак бредет в тумане по снегам,
В ущельях гор отродье змей живет,
Гремит обвал и водопад ревет...
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Лежит наш путь – уйдем, властитель мой.

Ты знаешь дом на мраморных столпах?
Сияет зал и купол весь в лучах;
Глядят кумиры, молча и грустя:
«Что, что с тобою, бедное дитя?..»
Ты был ли там? Туда, туда с тобой
Уйдем скорей, уйдем, родитель мой.

Не позднее 27 октября 1851

Es lachelt der See... [\[52\]](#)

(Из Шиллера)

С озера веет прохлада и нега, —
Отрок заснул, убаюкан у берега.
Блаженные звуки
Он слышит во сне;
То ангелов лики
Поют в вышине.

И вот он очнулся от райского сна, —
Его, обнимая, ласкает волна,
И слышит он голос,
Как ропот струи:
«Приди, мой красавец,
В объятия мои!»

«Прекрасный день его на Западе исчез...»

Прекрасный день его на Западе исчез,
Полнеба обхватив бессмертною зарею,
А он из глубины полуночных небес —
Он сам глядит на нас пророческой звездою.

11 апреля 1857

«Когда осьмнадцать лет твои...»

Когда *осьмнадцать лет* твои [\[53\]](#)
И для тебя уж будут сновиденьем, —
С любовью, с тихим умиленьем
И их и *нас* ты помяни...

23 февраля 1858

«Есть много мелких, безымянных...»

Есть много мелких, безымянных
Созвездий в горней вышине,
Для наших слабых глаз, туманных,
Недосягаемы оне...

И как они бы ни светили,
Не нам о блеске их судить,
Лишь телескопа дивной силе
Они доступны, может быть.

Но есть созвездия иные,
От них иные и лучи:
Как солнца пламенно-живые,
Они сияют нам в ночи.

Их бодрый, радующий души,
Свет путеводный, свет благой
Везде, и в море и на суше,
Везде мы видим пред собой.

Для мира дальнего отрада,
Они – краса небес родных,
Для *этих* звезд очков не надо,
И близорукий видит их...

20 декабря 1859

«Когда-то я была майором...»

Когда-то я была майором,
Тому уж много, много лет,
И вы мне в будущем сулили
Блеск генеральских эполет.
В каком теперь служу я чине,
Того не ведаю сама,
Но к вам прошусь я в ординарцы,
Фельдмаршал русского ума.

Март 1861

Александрю Второму

Ты взял свой день... Замеченный от века
Великою господней благодатью —
Он рабский образ сдвинул с человека
И возвратил семье меньшую братью...

25 марта 1861

Теперь не то, что за полгода,
Теперь не тесный круг друзей —
Сама великая природа
Ваш торжествует юбилей...

Смотрите, на каком просторе
Она устроила свой пир —
Весь этот берег, это море,
Весь этот чудный летний мир...

Смотрите, как, облитый светом,
Ступив на крайнюю ступень,
С своим прощается поэтом
Великолепный этот день...

Фонтаны плещут тиховейно,
Прохладой сонной дышит сад —
И так над вами юбилейно
Петровы липы здесь шумят...

Он прежде мирный был казак,
Теперь он попечитель дикий;
Филиппов сын – положим, так,
А все не Александр Великий^[56].

1861

Тебе сердечный мой поклон
И мой, каков ни есть, портрет,
И пусть, сочувственный поэт,
Тебе хоть молча скажет он,
Как дорог был мне твой привет,
Как им в душе я умилен.

14 апреля 1862

Его светлости князю А. А. Суворову

Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросясь!..

Как извинить пред вами эту смелость?
Как оправдать сочувствие к тому,
Кто отстоял и спас России целость,
Всем жертвуя призванью своему, —

Кто всю ответственность, весь труд и бремя
Взял на себя в отчаянной борьбе,
И бедное, замученное племя,
Воздвигнув к жизни, вынес на себе, —

Кто, избранный для всех крамол мишенью,
Стал и стоит, спокоен, невредим,
Назло врагам, их лжи и озлобленье,
Назло, увы, и пошlostям родным.

Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей.

12 ноября 1863

«Как летней иногда порою...»

Как летней иногда порою
Вдруг птичка в комнату влетит,
И жизнь и свет внесет с собою,
Все огласит и озарит;

Весь мир, цветущий мир природы,
В наш угол вносит за собой —
Зеленый лес, живые воды
И отблеск неба голубой, —

Так мимолетной и воздушной
Явилась гостьей к нам она,
В наш мир и чопорный и душный,
И пробудила всех от сна.

Ее присутствием согрета,
Жизнь встрепенулася живей,
И даже питерское лето
Чуть не оттаяло при ней.

При ней и старость молодеда
И опыт стал учеником,
Она вертела, как хотела,
Дипломатическим клубком.

И самый дом наш будто ожил,
Ее жилищею избрав,
И нас уж менее тревожил
Неугомонный телеграф.

Но кратки все очарованья,
Им не дано у нас гостить,
И вот сошлись мы для прощанья, —
Но долго, долго не забыть

Нежданно-милых впечатлений,
Те ямки розовых ланит,
Ту негу стройную движений
И стан, оправленный в магнит,

Радужный смех и звучный голос,
Полулукавый свет очей,

И этот длинный тонкий волос,
Едва доступный пальцам фей.

Не позднее 1868

И тихими последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел,
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновленья —
Великий день, новозаветный день, —
И на лице его от умиленья
Предсмертная вдруг озарилась тень.

Два образа, заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил,
Предстали перед ним – царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой припал он к изголовью,
Последняя свершалась борьба, —
И сам спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба.

Февраль 1864

«Не все душе болезненное снится...»

Не все душе болезненное снится:

Пришла весна – и небо прояснится^[58].

12 апреля 1864

Кто б ни был ты, но, встретясь с ней^[59],
Душою чистой иль греховной
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

Себя, друзья, морочите вы грубо —
Велик с Россией ваш разлад.
Куда вам в члены Английских палат?
Бы просто члены *Английского клуба*...

Январь 1865

Он, умирая, сомневался,
Зловещей думою томим...
Но бог не даром в нем сказался —
Бог верен избранным своим...

Сто лет прошли в труде и горе —
И вот, мужая с каждым днем,
Родная Речь уж на просторе
Поминки празднует по нем...

Уж не опутанная боле,
От прежних уз отрешена,
На всей своей разумной воле
Его приветствует она...

И мы, признательные внуки,
Его всем подвигам благим
Во имя Правды и Науки
Здесь *память вечную* гласим.

Да, велико его значенье —
Он, верный Русскому уму,
Завоевал нам Просвещение,
Не нас поработил ему, —

Как тот борец ветхозаветный,
Который с Силой неземной
Боролся до звезды рассветной
И устоял в борьбе ночной.

Апрель 1865

«Сын царский умирает в Ницце...»

Сын царский умирает в Ницце —
И из него нам строят ков...
«То божья месть за поляков», —
Вот, что мы слышим здесь, в столице...

Из чьих понятий диких, узких,
То слово вырваться могло б?..
Кто говорит так: польский поп,
Или министр какой из русских?

О, эти толки роковые,
Преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия, —

И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – царь в плену!» —
И Русь спасти его не встанет.

Апрель 1865

Все решено, и он спокоен,
Он, претерпевший до конца, —
Знать, он пред богом был достоин
Другого, лучшего венца —

Другого, лучшего наследства,
Наследства бога своего, —
Он, наша радость с малолетства,
Он был не наш, он был его...

Но между ним и между нами
Есть связи естества сильней:
Со всеми русскими сердцами
Теперь он молится о ней, —

О ней, чью горечь испытанья
Поймет, измерит только та,
Кто, освятив собой страданья,
Стояла, плача, у креста...

12 апреля 1865

«Как верно здоровый смысл народа...»

Как верно здоровый смысл народа
Значенье слов определил:
Недаром, видно, от «ухода»
Он вывел слово «уходил»[\[61\]](#).

30 апреля 1865

«Велели вы – хоть, может быть, и в шутку...»

Велели вы – хоть, может быть, и в шутку —

Я исполняю ваш приказ.

Тут места нет раздумью, ни рассудку,

И даже мудрость без ума от вас, —

И даже он – ваш дядя достославный —

Хоть всю Европу переспорить мог,

Но уступил и он в борьбе неравной

И присмирел у ваших ног...

5 июня 1865

Князю Вяземскому

Есть телеграф за неимением ног,
Неси он к вам мой стих полубольной.
Да сохранит вас милосердый бог
От всяких дряг, волнений и тревог,
И от бессонницы ночной.

28 июня 1865

Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что *пережить* – не значит *жить*, —

Во имя милого былого,
Во имя вашего отца
Дадим же мы друг другу слово:
Не изменяться до конца.

1 марта 1866

Так! Он спасен!^[62] Иначе быть не может!
И чувство радости по Руси разлилось...
Но посреди молитв, средь благодарных слез,
Мысль неотступная невольно сердце гложет:

Все этим выстрелом, все в нас оскорблено,
И оскорблению как будто нет исхода:
Легло, увы, легло позорное пятно
На всю историю российского народа!

Апрель 1866

«Когда сочувственно на наше слово...»

Когда сочувственно на наше слово
Одна душа отозвалась —
Не нужно нам возмездия иного,
Довольно с нас, довольно с нас...

12 апреля 1866

Два разнородные стремленья
В себе соединяешь ты:
Юродство без душеспасенья
И шутовство без остроты.

Сама природа, зная, хотела
Тебя устроить и обречь
На безответственное дело,
На безнаказанную речь.

Апрель 1866

«И в божьем мире то ж бывает...»

И в божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А все ж Весна не унывает
И говорит: «Черед за мной!..»

Бессильна, как она ни злился,
Несвоевременная дурь, —
Метели, вьюги улеглись,
Уж близко время *летних* бурь.

11 мая 1866

«Когда расстроенный кредит...»

Когда расстроенный кредит
Не бьется кое-как,
А просто на мели сидит,
Сидит себе как рак, —
Кто ж тут спасет, кто пособит?
Ну кто ж, коль не моряк^[63].

3 июня 1866

«Небо бледно-голубое...»

Небо бледно-голубое
Дышит светом и теплом
И приветствует Петрополь
Небывалым сентябрем.

Воздух, полный теплой влаги,
Зелень свежую поит
И торжественные флаги
Тихим веяньем струит.

Блеск горячий солнце сеет
Вдоль по невской глубине —
Югом блещет, югом веет,
И живется как во сне.

Все привольней, все приветней
Умалющийся день, —
И согрета негой летней
Вечеров осенних тень.

Ночью тихо пламенеют
Разноцветные огни...
Очарованные ночи,
Очарованные дни.

Словно строгий чин природы
Уступил права свои
Духу жизни и свободы,
Вдохновениям любви.

Словно, ввек ненарушимый,
Был нарушен вечный строй
И любившей и любимой
Человеческой душой.

В этом ласковом сиянье,
В этом небе голубом
Есть улыбка, есть сознание,
Есть сочувственный прием.

И святое умиление
С благодатью чистых слез

К нам сошло как откровенье
И во всем отозвалось...

Небывалое доселе
Понял вещей наш народ,
И *Дагмарина* неделя
Перейдет из рода в род.

17 сентября 1866

Великий день Карамзина
Мы, поминая братской тризной,
Что скажем здесь перед отчизной,
На что б откликнулась она?

Какой хвалой благоговейной,
Каким сочувствием живым
Мы этот славный день почтим —
Народный праздник и семейный?

Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?

При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи,
Так ненавистной для души,
Высокой и ко благу страстной, —

Души, какой твоя была,
Как здесь она еще боролась,
Но на призывный божий голос
Неудержимо к цели шла?

Мы скажем: будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой —
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный,

Умевший все совокупить
В ненарушимом, полном строе,
Все человечески-благое,
И русским чувством закрепить, —

Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России...

«Ты долго ль будешь за туманом...»

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ужель навстречу жадным взорам,
К тебе стремящимся в ночи,
Пустым и ложным метеором
Твои рассыплются лучи?

Все гуще мрак, все пуще горе,
Все неминуемей беда —
Взгляни, чей флаг там гибнет в море,
Проснись — теперь иль никогда...

20 декабря 1866

Хотя б она сошла с лица земного,
В душе царей для правды есть приют.
Кто не слышал торжественного слова?
Века векам его передают.

И что ж теперь? Увы, что видим мы?
Кто приютит, кто призрит гостью божью?
Ложь, злая ложь растлила все умы,
И целый мир стал воплощенной ложью!..

Опять Восток дымится свежей кровью,
Опять резня... повсюду вой и плач,
И снова прав пирующий палач,
А жертвы... преданы злословью!

О, этот век, воспитанный в крамолах,
Век без души, с озлобленным умом,
На площадях, в палатах, на престолах —
Везде он правды личным стал врагом!

Но есть еще один приют державный,
Для правды есть один святой алтарь:
В твоей душе он, царь наш православный,
Наш благодушный, честный русский царь!

31 декабря 1866

«Над Россией распростертой...»

Над Россией распростертой
Встал внезапно грозой
Петр, по прозвищу *четвертый*,
Аракчеев же *второй*^[65].

1866–1867

Как этого посмертного альбома [\[66\]](#)
Мне дороги заветные листы,
Как все на них так родственно-знакомо,
Как полно все душевной теплоты!

Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвеяла былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.

1 марта 1867

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы – свои!

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей, —
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но все же мы народ единый,
Единой матери сыны;
Но все же братья мы родные!
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России – не прощают вас!

Смущает их, и до испугу,
Что вся славянская семья
В лицо и недругу и другу
Впервые скажет: – Это я!
При неотступном вспоминанье
О длинной цепи злых обид
Славянское самосознанье,
Как божья кара, их страшит!

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них – закон и равноправность,
Для нас – насилье и обман,

И закрепила стародавность
Их, как наследие славян.

И то, что длилось веками,
Не истощилось и поднесь,
И тяготеет и над нами —
Над нами, собранными здесь...
Еще болит от старых болей
Вся современная пора...
Не тронуто Коссово поле,
Не скрыта Белая Гора!

А между нас – позор немалый, —
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим.

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народ?
Когда же упразднится время
Твоей и розни и невзгод,
И грянет клич к объединенью,
И рухнет то, что делит нас?..
Мы ждем и верим провиденью —
Ему известны день и час...

И эта вера в правду бога
Уж в нашей не умрет груди,
Хоть много жертв и горя много
Еще мы видим впереди...
Он жив – верховный промыслитель,
И суд его не оскудел,
И слово *царь-освободитель*
За русский выступит предел...

Начало мая 1867

Man muß die Slaven an die Mauer drücken^[67]

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмем!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своем!..

Да, стенка есть – стена большая, —
И вас не трудно к ней прижать.
Да польза-то для них какая?
Вот, вот что трудно угадать.

Ужасно та стена упруга,
Хоть и гранитная скала, —
Шестую часть земного круга
Она давно уж обошла...

Ее не раз и штурмовали —
Кой-где сорвали камня три,
Но напоследок отступали
С разбитым лбом богатыри...

Стоит она, как и стояла,
Твердыней смотрит боевой:
Она не то чтоб угрожала,
Но... каждый камень в ней живой.

Так пусть же бешеным напором
Теснят вас немцы и прижмут
К ее бойницам и затворам, —
Посмотрим, что они возьмут!

Как ни бесись вражда слепая,
Как ни грози вам буйство их, —
Не выдаст вас стена родная,
Не оттолкнет она своих.

Она расступится пред вами
И, как живой для вас оплот,
Меж вами станет и врагами
И к ним поближе подойдет.

«Свершается заслуженная кара...»

Свершается заслуженная кара
За тяжкий грех, тысячелетний грех...
Не отвратить, не избежать удара —
И правда божья видима для всех...

То божьей правды праведная кара,
И ей в отпор чью помощь ни зови,
Свершится суд... и папская тиара
В последний раз купается в крови.

А ты, ее носитель неповинный, —
Спаси тебя господь и отрезви —
Молись ему, чтобы твои седины
Не осквернились в пролитой крови.

27 октября 1867

По прочтении депеш императорского кабинета, напечатанных в «Journal de St.-Pétersbourg»

Когда свершится искупленье
И озарится вновь Восток, —
О, как поймут тогда значенье
Великолепных этих строк!

Как первый яркий луч денницы,
Коснувшись, их воспламенит
И эти вещие страницы
Озолотит и освятит!

И в излиянье чувств народных,
Как божья чистая роса,
Племен признательно-свободных
На них затеплится слеза!

На них записана вся повесть
О том, что было и что есть;
Изобличив Европы совесть,
Они спасли России честь!

5 декабря 1867

И вот в рядах отечественной рати
Опять не стало смелого бойца —
Опять вздохнут о горестной утрате
Все честные, все русские сердца.

Душа живая, он неборимо
Всегда себе был верен и везде —
Живое пламя, часто не без дыма
Горевшее в удушливой среде...

Но в правду верил он, и не смущался,
И с пошлостью боролся весь свой век,
Боролся – и ни разу не поддался...
Он на Руси был редкий человек.

И не Руси одной по нем сгрустнется —
Он дорог был и там, в земле чужой,
И там, где кровь так безотрадно льется,
Почтут его признательной слезой.

21 сентября 1868

Печати русской доброты,
Как всеми вами, господа,
Тошнит ее – но вот беда,
Что дело не дойдет до рвоты.

Апрель 1868

Вы не родились поляком^[68],
Хоть шляхтич вы по направленью,
А русский вы – сознайтесь в том —
По Третьему лишь отделению.

Слуга влиятельных господ,
С какой отвагой благородной
Громите речью вы свободной
Всех тех, кому зажали рот!

Недаром вашим вы пером
Аристократии служили —
В какой лакейской изучили
Вы этот рыцарский прием?

Январь 1869

Как насаждения Петрова
В Екатерининской долине
Деревья пышно разрослись, —
Так насаждаемое ныне
Здесь русское живое слово
Расти и глубже коренись^[69].

Май 1869

Там, где на высоте обрыва
Воздушно-светозарный храм
Уходит ввысь — очам на диво,
Как бы парящий к небесам;
Где Первозванного Андрея
Еще поднесь сияет крест,
На небе киевском белея,
Святой блюститель этих мест, —

К стопам его свою обитель
Благоговейно прислони,
Живешь ты там — не праздный житель, —
На склоне трудового дня.
И кто бы мог без умиления
И ныне не почтить в тебе
Единство жизни и стремления
И твердость стойкую в борьбе?

Да, много, много испытаний
Ты перенес и одолел...
Живи ж не в суетном сознанье
Заслуг своих и добрых дел;
Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменный строй.

Август 1869

Флаги веют на Босфоре,
Пушки празднично гремят,
Небо ясно, блещет море,
И ликует Цареград.

И недаром он ликует:
На волшебных берегах
Ныне весело пирует
Благодушный падишах.

Угощает он на славу
Милых западных друзей —
И свою бы всю державу
Заложил для них, ей-ей.

Из премудрого далека
Франкистанской их земли
Погулять на счет пророка
Все они сюда пришли.

Пушек гром и мусикия!
Здесь Европы всей привал,
Здесь все силы мировые
Свой справляют карнавал.

И при криках исступленных
Бойкий западный разгул
И в гаремах потаенных
Двери настежь распахнул.

Как в роскошной этой раме
Дивных гор и двух морей
Веселится об исламе
Христианский съезд князей!

И конца нет их приветам,
Обнимает брата брат...
О, каким отрадным светом
Звезды Запада горят!

И все ярче и милее
Светит тут звезда одна,

Коронованная фея,
Рима дочь, *его* жена.

С пресловутого театра
Всех изяществ и затей,
Как вторая Клеопатра,
В сонме царственных гостей,

На Восток она явилась,
Всем на радость, не на зло,
И пред нею все склонилось:
Солнце с Запада взошло!

Только там, где тени бродят
По долинам и горам
И куда уж не доходят
Эти клики, этот гам, —

Только там, где тени бродят,
Там, в ночи, из свежих ран
Кровью медленно исходят
Миллионы христиан...

Октябрь 1869

«Так провидение судило...»

Так провидение судило,
Чтоб о величии грядущем
Великого славянского царя
Возвещено вселенной было
Не гласом грома всемогущим,
А звучным писком комара.

1860-е

«Радость и горе в живом упоенье...»

<Из Гете>

Радость и горе в живом упоенье,
Думы и сердце в вечном волнении,
В небе ликуя, томясь на земли,
 Страстно ликующей,
 Страстно тоскующей,
Жизни блаженство в одной лишь любви...

Февраль 1870

«Над русской Вильной стародавней...»

Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты —
И звоном меди православной
Все огласились высоты.

Минули веки искушенья,
Забыты страшные дела —
И даже мерзость запустенья
Здесь райским крином расцвела.

Преданье ожило святое
Первоначальных лучших дней,
И только позднее былое
Здесь в царство отошло теней.

Оттуда смутным сновиденьем
Еще дано ему порой
Перед всеобщим пробужденьем
Живых тревожить здесь покой.

В тот час, как с неба месяц сходит,
В холодной, ранней полумгле,
Еще какой-то призрак бродит
По оживающей земле.

Июль 1870

Из переполненной господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья
наши! —
Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь
и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Сентябрь 1870

«Велению высшему покорны...»

Велению высшему покорны,
У *мысли* стоя на часах,
Не очень были мы задорны,
Хотя и с штуцером в руках.

Мы им владели неохотно,
Грозили редко и скорей
Не *арестантский*, а *почетный*
Держали караул при ней.

27 октября 1870

«Чему бы жизнь нас ни учила...»

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!

Но этой веры *для немногих*
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца все претерпел.

Не позднее ноября 1870

Да, вы сдержали ваше слово:
Не двинув пушки, ни рубля,
В свои права вступает снова
Родная русская земля.

И нам завещанное море
Опять свободно волной,
О кратком позабыв позоре,
Лобзает берег свой родной.

Счастлив в наш век, кому победа
Далась не кровью, а умом,
Счастлив, кто точку Архимеда
Умел сыскать в себе самом, —

Кто, полный бодрого терпенья,
Расчет с отвагой совмещал —
То сдерживал свои стремленья,
То своевременно дерзал.

Но кончено ль противоборство?
И как могучий ваш рычаг
Осилит в умниках упорство
И бессознательность в глупцах?

Ноябрь 1870

«Впросонках слышу я – и не могу...»

Впросонках слышу я – и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

Январь – февраль 1871

Пятнадцать лет с тех пор минуло,
Прошел событий целый ряд,
Но вера нас не обманула —
И севастопольского гула
Последний слышим мы раскат.

Удар последний и громовый,
Он грянул вдруг, животворя;
Последнее в борьбе суровой
Теперь лишь высказано слово;
То слово – русского царя.

И все, что было так недавно
Враждой воздвигнуто слепой,
Так нагло, так самоуправно,
Пред честностью его державной
Все рушилось само собой.

И вот: *свободная стихия*, —
Сказал бы наш поэт родной, —
Шумишь ты, как во дни былые,
И *катишь волны голубые*,
И *блещешь гордою красой!*..

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло, как ключ, ко дну.

Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.

И то, что ты во время оно
От бранных скрыла непогод
В свое сочувственное лоно,
Отдашь ты нам – и без урона —
Бессмертный черноморский флот.

Да, в сердце русского народа
Святиться будет этот день, —
Он – наша внешняя свобода,
Он Петропавловского свода
Осветит гробовую сень...

Март 1871

Был день суда и осужденья —
Тот роковой, бесповоротный день,
Когда для вящего паденья
На высшую вознесся он ступень, —

И, божьим промыслом теснимый,
И загнанный на эту высоту,
Своей ногой непогрешимой
В бездонную шагнул он пустоту, —

Когда, чужим страстям послушный,
Игралище и жертва темных сил,
Так богохульно-добродушно
Он божеством себя провозгласил...

О новом бого-человеке
Вдруг притча создалась – и в мир вошла,
И святотатственной опеке
Христова церковь предана была.

О, сколько смуты и волнений
С тех пор воздвиг непогрешимый тот,
И как под бурей этих прений
Кошунство зреет и соблазн растет.

В испуге ищут *правду божью*,
Очнувшись вдруг, все эти племена,
И как тысячелетней ложью
Она для них вконец отравлена.

И одолеть она не в силах
Отравы той, что в жилах их течет,
В их самых сокровенных жилах,
И долго будет течь, – и где исход?

.....

Но нет, как ни борись упрямо,
Уступит ложь, рассеется мечта,
И ватиканский далай-лама
Не призван быть наместником Христа.

Июль 1871

Как бестолковы числа эти,
Какой сумбур в календаре;
Теперь зима уж на дворе,
А мне вот довелось во всем ее расцвете,
В ее прелестнейшей поре,
Приветствовать Весну лишь в позднем
ноябре.

Ноябрь 1872

«Чертог твой, спаситель, я вижу украшен...»

Чертог твой, спаситель, я вижу украшен,
Но одежд не имею, да вниду в него.

Не позднее 1872

«Хотел бы я, чтобы в своей могиле...»

Хотел бы я, чтобы в своей могиле,
Как нынче на своей кушетке, я лежал,
Века бы за веками проходили,
И я бы вас всю вечность слушал и молчал.

1872

notes

Игра в прятки (франц.). – Здесь и далее прим. ред.

Поэт имеет в виду так называемых «водоискателей» – людей, умевших распознавать в безводных местах наличие ключевой воды.

Зараженный воздух (*итал.*).

Вероятно, написано по поводу смерти Гете.

Проблема (*франц.*).

Скальдами назывались в древние времена народные певцы Норвегии и Исландии.

Синель (*устар.*) – сирень.

Вилла (*итал.*).

Французский поэт Ламартин родился в провинции Савоя. Стихотворение написано Тютчевым под впечатлением его автобиографической книги «Признания».

Обращено ко второй жене поэта Эрнестине Федоровне.

Непостоянная, как волна (*франц.*).

Обращено к Е. А. Денисьевой.

Вложено в письмо к жене, которая тем летом жила с детьми в орловском имении Тютчевых.

Экспромт из французского письма к жене. К концу 1854 года Эрнестина Федоровна уже свободно читала и говорила по-русски, но семейная переписка, как и встарь, велась по-французски.

Обращено к Е. А. Денисьевой.

Эпиграмма-эпитафия Николаю I, умершему 18 февраля 1855 г.

Обращено ко второй жене поэта Эрнестине Федоровне. Написано в день ее рождения.

Посвящено поэту Николаю Федоровичу Щербине, в творчестве которого видное место занимали античные темы и мотивы.

Возможно, в этом стихотворении имеется в виду вторая жена поэта Эрнестина Федоровна, уничтожившая часть своей семейной переписки.

Вольный перевод (точнее, стихи на тему) стихотворения немецкого поэта-романтика Н. Ленау «Blick in den Storm».

Елизавета Николаевна Анненкова – дочь светских знакомых Эрнестины Федоровны, увлеклась стихами Тютчева. О впечатлении, какое произвели на юную девушку стихи, госпоже Тютчевой сообщила ее мать. Эрнестина передала слова приятельницы мужу, а тот ответил – стихами.

Обращено к старшей дочери поэта, Анне. Под «нелегким жребием» Тютчев имеет в виду раннее сиротство (смерть матери) и придворную службу.

Стихотворение послано А. А. Фету.

Посвящено воспоминанию об Е. А. Денисьевой.

Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках (*лат.*).

Посвящено сослуживцу Тютчева по Комитету цензуры иностранной.

Написано накануне первой годовщины смерти Е. А. Денисьевой.

Навеяно зрелищем лесных пожаров под Петербургом летом 1868.

По свидетельству Я. П. Полонского, инициалы обозначают сокращение переставленных слов «Баронессе Крюденер».

Посвящено памяти брата поэта, Николая Ивановича Тютчева.

Обращено к жене, Эрнестине Федоровне. Написано во время предсмертной болезни поэта.

Мета (*устар.*) – цель.

Харон – перевозчик душ усопших через реку Стикс из царства живых в царство мертвых (антич. миф.).

Посвящено А. Н. Муравьеву, бывшему, как и Тютчев, учеником Раича.

Цитата из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

О источник слез... (*лат.*). Грей (*англ.*).

Посвящено чешскому патриоту, ученому и писателю Вацлаву Ганке.

Посвящено немецкому писателю и публицисту Карлу-Августу Фарнгагену фон Энзе.

Ты знаешь край?.. (нем.).

Веце 1859 – Женева 1860 (*франц.*).

Эпиграмма на Г. И. Филиппсона, попечителя Петербургского учебного корпуса.

Эпиграмма на повесть Л. Н. Толстого «Казачи».

Навеяно встречами с императрицей Марией Александровной.

Написано по случаю покушения Д. В. Каракозова на Александра II.

На смерть М. Н. Муравьева.

Посмертным альбомом именуется книга «Мысли и замечания гр. Д. Н. Блудова».

Славян должно прижать к стене (*нем.*).

Обращено к издателю-редактору ультрареакционной газеты «Весть» В. Д. Скарятину.

Отсюда – гнев (*лат.*).

Она была кроткой перед лицом смерти (*франц.*).